IV

Комитетъ французскихъ ученыхъ: Бергсонъ, Бутру, Дюркгеймъ, Сеньебосъ и др.

Изслѣдованія и документы, относящіеся къ войнѣ.

BB262
Д988₂
327:355
75

Э. ДЮРКГЕЙМЪ и Э. ДЕНИ.
Профессора Парижскаго Университета.

Кто хотѣлъ войны?

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ".
ПЕТРОГРАДЪ
1915.

Комитетъ французскихъ ученыхъ: Бергсонъ, Бутру, Дюркгеймъ, Сеньобосъ и др.

Изслѣдованія и документы, относящіеся къ войнѣ.

Э. ДЮРКГЕЙМЪ и Э. ДЕНИ.
Профессора Парижскаго Университета.

Кто хотѣлъ войны?

327:355
75
329
Д-17

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ“.
ПЕТРОГРАДЪ
1915.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
1986

ВВ262
Д988₂ Р

325028
25-197
39.

Типографія „Викторія“, Знаменская, 17. Тел. 32-48.

Кто хотѣлъ войны?

Какъ и всѣ историческія событія, настоящая война до извѣстной степени зависитъ отъ глубокихъ и далекихъ причинъ. Историкамъ придется когда-нибудь изслѣдовать, въ силу какихъ демографическихъ, экономическихъ и этническихъ условій, съ нѣкотораго времени, повидимому, умножились поводы къ конфликтамъ между народами; какимъ образомъ неустойчивое состояніе Австро-Венгерской имперіи, ростъ балканскихъ государствъ и проясненіе самосознанія нѣкоторыхъ національностей должны были вызвать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ передѣлку карты Европы; какимъ образомъ, наконецъ, все это вызывало состояніе тревоги и безпокойства, которое и подготовило умы къ войнѣ.

Но какова бы ни была важность этихъ безличныхъ причинъ, сами по себѣ онѣ недостаточны. Для того, чтобъ онѣ вызвали свои послѣдствія, нужны еще человѣческія воли, которыя поддались бы ихъ воздѣйствію. Для возникновенія войны надобно, чтобы какое-нибудь государство желало ея, и оно несетъ за нее отвѣтственность. Если за послѣднія десять лѣтъ мы пережили очень серьезные кризисы—конференцію въ Алжезирасѣ, инциденты Казабланкскій и Агадирскій, аннексію Босніи и Герцеговины, балканскую войну,—при-

чемъ изъ-за нихъ не возникло европейской войны, то это случилось не потому, что моральное состояніе Европы было тогда болѣе удовлетворительно, чѣмъ теперь; но потому, что миротворческимъ стремленіямъ удалось отстранить опасность. Поэтому, если катастрофа произошла теперь, значитъ, эти стремленія или нѣкоторыя изъ нихъ поколебались. И вотъ возникаетъ вопросъ: гдѣ проявилось это колебаніе? Какой народъ предпочелъ войну миру и въ силу какихъ соображеній предпочелъ онъ ее?

Этотъ-то вопросъ мы и собираемся разсмотрѣть. Онъ такъ естественно привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что, конечно, каждый уже разрѣшилъ его для себя. Однако, до послѣдняго времени было трудно составить себѣ по этому вопросу вполнѣ ясное и продуманное мнѣніе; ибо для своихъ выводовъ мы имѣли только слишкомъ отрывочныя свѣдѣнія, такъ что намъ было невозможно охватить кризисъ въ его полномъ объемѣ и въ ходѣ его развитія. Теперь же мы располагаемъ нѣсколькими сборниками дипломатическихъ документовъ, которые, исходя отъ различныхъ правительствъ, взаимно дополняютъ и контролируютъ другъ друга [1]). Если, по всей вѣроятности, они не раскры-

[1]) У насъ имѣется пять подобныхъ сборниковъ: русская книга, извѣстная подъ названіемъ „Оранжевой книги“ (О. К.): французская, или „Желтая книга“ (Ж. К.); бельгійская или „Сѣрая книга“ (С. К.); нѣмецкая, или „Бѣлая книга“ (Б. К.): наконецъ, книга, выпущенная англійскимъ правительствомъ подъ названіемъ: „Переписка британскаго правительства, касающаяся европейскаго кризиса“, которую мы будемъ обозначать

ваютъ намъ еще всѣхъ тайнъ канцелярій, они, по крайней мѣрѣ, позволяютъ намъ слѣдить шагъ за шагомъ за серіей переговоровъ, заполнившихъ тревожную недѣлю, во время которой рѣшалась судьба Европы. Такимъ образомъ, мы можемъ усмотрѣть тамъ послѣдовательные періоды и въ каждомъ изъ нихъ искать, что было сдѣлано для мира или противъ него, откуда шли попытки къ соглашенію и откуда шло скрытое или явное противодѣйствіе. Покончивъ съ этимъ подсчетомъ, можно будетъ установить моральный балансъ различныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы и затѣмъ опредѣлить долю отвѣтственности, падающую на каждое изъ нихъ. Таковъ предметъ и таковъ планъ даннаго очерка, предлагаемаго вниманію читателей.

Этотъ очеркъ тѣмъ болѣе необходимъ, что германское правительство уже занялось этимъ вопросомъ и претендовало на рѣшеніе его при помощи исключительно нѣмецкихъ документовъ. Рѣшеніе, данное имъ, изложено въ предисловіи къ его „Бѣлой книгѣ“: согласно ему, отвѣтственной за войну является Россія. Мы не могли оставить безъ отвѣта положенія, въ подкрѣпленіе котораго была пущена самая широкая реклама. Во всякомъ случаѣ, если мы считаемъ нужнымъ упомянуть о немъ въ самомъ началѣ этой работы,

---

кратко „Бр. Пер.“. Во время печатанія нашего труда появилась и сербская книга, но она не добавляетъ ничего существеннаго къ предыдущимъ книгамъ.

Ссылки на „Бѣл. книгу“ дѣлаются по русскому изданію, вышедшему въ „Библіотекѣ Вел. Войны“.

то происходитъ это не потому, что мы собираемся опровергать его и оспаривать само по себѣ. Для того, чтобы показать цѣнность его, достаточно будетъ разсказать просто и честно факты въ томъ порядкѣ, въ которомъ они происходили, и ограничиться попутнымъ указаніемъ того, что сталось съ ними въ нѣмецкой передачѣ. Когда это будетъ исполнено—они будутъ отмѣчены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ,—заключеніе напросится само собой.

Но, приступая къ предмету этой работы, мы не должны забывать, что мы сами являемся судьями и заинтересованной стороной въ тяжбѣ, потому что въ дѣлѣ замѣшана наша родина. Поэтому мы должны принять мѣры предосторожности и особенно предупредить нашихъ читателей противъ возможнаго вліянія національнаго предвзятаго мнѣнія, сколь почтенно ни было бы оно. Ради этого мы ограничиваемся вначалѣ объективнымъ и полнымъ изложеніемъ событій, не давая имъ никакой оцѣнки. Затѣмъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать выводы; но въ этотъ моментъ читателю будетъ легко, на основаніи предшествовавшаго изложенія, проконтролировать выводы, къ которымъ мы пришли.

АВСТРІЙСКІЙ УЛЬТИМАТУМЪ И СЕРБСКІЙ. ОТВѢТЪ.

(23/10—25/12 іюля).

28/15 іюня 1914 года въ Сараевѣ, административномъ центрѣ Босніи, былъ убитъ наслѣдникъ австро-венгерской короны, эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ, вмѣстѣ со своей супругой, герцогиней фонъ-Гогенбергъ. Это двойное преступленіе явилось исходной точкой войны.

Очевидно, что убійцы были заговорщиками, желавшими такимъ способомъ выразить протестъ противъ аннексіи Босніи и Герцеговины къ Австріи и подготовить присоединеніе этихъ провинцій къ Сербіи. Въ силу этого соображенія, Австрія сейчасъ же выставила, какъ непреложный фактъ, что корни этого заговора слѣдуетъ искать въ Бѣлградѣ и что онъ былъ организованъ, если и не сербскимъ правительствомъ, то по крайней мѣрѣ обществами, существованіе которыхъ это правительство допускало и которымъ оно даже покровительствовало. Въ этомъ духѣ велось разслѣдованіе, назначенное вѣнскимъ правительствомъ; поэтому было легко предвидѣть, къ какимъ выводамъ придетъ оно. Едва только оно начиналось, какъ уже офиціозная пресса возвѣстила, что по отношенію къ Сербіи готовится „выступленіе“

угрожающаго характера, чтобы вынудить ее прекратить свои преступныя дѣйствія. Начиная съ 2 іюля/19 іюня, французскій посолъ, г. Дюменъ, предупреждалъ свое правительство, что положеніе ему кажется тревожнымъ [1]). Но когда приблизился моментъ опубликованія результатовъ разслѣдованія, то, словно по приказу, перемѣнился тонъ печати. Не говорилось больше о „выступленіи“, а только о „переговорахъ“. Графъ Тисса даже произнесъ въ парламентѣ настолько умѣренную рѣчь, что она возмутила нѣкоторыя газеты [2]). Оптимизмъ сдѣлался доминирующей нотой офиціальной прессы. Еще 23/10 іюля баронъ Маккіо, генеральный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, увѣрялъ г. Дюмена, что можно „расчитывать на мирный исходъ“ [3]).

И въ тотъ же самый день Австрія предъявила въ Бѣлградѣ свой ультиматумъ.

Воинственный характеръ австрійскаго ультиматума.

Этотъ ультиматумъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ нужно было воспроизводить его здѣсь: мы ограничимся воспроизведеніемъ его основныхъ положеній.

Считая какъ бы установленнымъ, что сараевское убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ, австрійское правительство требовало отъ серб-

---

[1]) Ж. К., № 8.
[2]) Ж. К., № 11 и 12.
[3]) Ж. К., № 20.

скаго правительства ряда мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью предупредить возможность повтореній подобныхъ преступленій.

Прежде всего сербское правительство должно было опубликовать на первой страницѣ „Офиціальной газеты“ отъ 26/13 іюля декларацію, формула которой была ему продиктована и въ которой оно осуждало всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, выражало свои сожалѣнія о томъ, что чиновники участвовали въ этой пропагандѣ, и обѣщало строго наказывать всѣхъ тѣхъ, кто въ будущемъ окажется виновнымъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ. Равнымъ образомъ эта декларація должна была быть доведена до свѣдѣнія арміи.

Кромѣ того, оно должно было обязаться:

1) Не допускать никакихъ публикацій, направленныхъ противъ Австріи;

2) распустить общество „Народна Одбрана“, которое особенно виновно въ веденіи активной пропаганды противъ австро-венгерской монархіи,— конфисковать его средства пропаганды и поступить такимъ же образомъ по отношенію ко всѣмъ будущимъ обществамъ, которыя образуются съ тою же цѣлью;

3) устранить всѣхъ лицъ изъ преподавательскаго состава и все то изъ способовъ преподаванія, что могло бы облегчить эту самую пропаганду;

4) удалить изъ арміи и администраціи всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ австрійское

правительство укажетъ, какъ виновныхъ въ этомъ же отношеніи;

5) допустить сотрудничество органовъ императорскаго и королевскаго правительства въ дѣлѣ „подавленія“ этого революціоннаго движенія;

6) произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ сараевскаго заговора, находящихся на сербской территоріи; „лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примутъ участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованіемъ“;

7) срочно арестовать двухъ сербскихъ подданныхъ, спеціально отмѣченныхъ, какъ лица, скомпрометированныя въ заговорѣ;

8) воспрепятствовать незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу и наказать чиновниковъ, разрѣшавшихъ или облегчавшихъ ее;

9) дать объясненія по поводу враждебныхъ двойственной монархіи заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей;

10) увѣдомить австрійское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ.

Сорокъ восемь часовъ было дано Сербіи для сообщенія ея отвѣта.

Какъ только ультиматумъ былъ опубликованъ, всѣ (дипломатическія) канцеляріи единодушно высказались въ томъ смыслѣ, что онъ былъ задуманъ и составленъ „такъ, чтобы сдѣлать войну неизбѣжной“. „У меня“,—говоритъ сэръ М. де-Бун-

зенъ, англійскій посолъ въ Вѣнѣ, „были разговоры со всѣми моими коллегами, представителями великихъ державъ. Отъ этихъ разговоровъ у меня осталось впечатлѣніе,... что австро-венгерское правительство окончательно рѣшилось воевать съ Сербіей“ [1]). Дѣйствительно, австрійскія требованія были таковы, что ни одно государство, по крайней мѣрѣ не желающее отказаться отъ самостоятельнаго существованія, не могло принять ихъ. Сербію не только глубоко унижали, вынуждая ее публично признать свою вину и притомъ въ выраженіяхъ, которыхъ она не могла даже оспаривать, но, болѣе того, навязывая ей судебное разслѣдованіе и сотрудничество иностранныхъ чиновъ въ ея административной дѣятельности, узурпировали ея суверенныя права; ее третировали, какъ вассала Австріи. Самый тонъ австрійской ноты, казалось, желалъ оскорбить государство, къ которому обращались, и сдѣлать такимъ образомъ болѣе труднымъ подчиненіе. Что было болѣе оскорбительно краткости срока, предоставленнаго Сербіи на размышленіе? Это означало, что результаты австрійскаго разслѣдованія, хотя оно и было одностороннее и крайне поверхностно, принципіально не могли быть подвергнуты обсужденію [2]).

Съ другой стороны, какъ выбранный срокъ, такъ и принятый способъ дѣйствій доказывали, повидимому, что стремились предупредить всякое

---

1) „Бр. Пер.“ № 41.

2) Мы совершенно пренебрегаемъ вопросомъ о томъ, чего стоили предлоги, выставленные Австріей: они имѣли слишкомъ мало вліянія на ходъ событій.

вмѣшательство въ пользу мира. Оптимизмъ, исповѣдывавшійся офиціальной Австріей до послѣдняго момента и который должно было такъ быстро опровергнуть событіе, въ концѣ концовъ усыпилъ недовѣріе государствъ, которыя были наиболѣе заинтересованы въ томъ, чтобы возможно ближе слѣдить за этимъ дѣломъ. Русскій посолъ въ Вѣнѣ уѣхалъ въ отпускъ, получивъ формальныя завѣренія. [1]) Президентъ Пуанкарэ вмѣстѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Вивіани былъ въ путешествіи по столицамъ Сѣвера). Французскій посланникъ отлучился изъ Бѣлграда по болѣзни. Такимъ образомъ дипломаты Тройственнаго Согласія не могли легко столковаться для посредничества между двумя противниками. А, кромѣ того, имъ не давалось на это времени. Ультиматумъ былъ сообщенъ державамъ только $^{24}/_{11}$ іюля, на другой день послѣ его врученія въ Бѣлградѣ. Поэтому имъ оставалось не много болѣе сутокъ для предупрежденія разрыва.

Съ другой стороны, значительная часть общественнаго мнѣнія требовала такого воинственнаго поведенія. Войны желали и считали, что моментъ для веденія ея благопріятенъ. „Если мы не рѣшимся на войну“, писало „Militärische Rundschau“, то война, которую намъ придется вести самое позднее черезъ два-три года, произойдетъ при гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ... А такъ какъ въ одинъ прекрасный день мы должны будемъ принять борьбу, то вызовемъ ее сейчасъ.

[1]) „Ж. К.“ № 18.
[2]) „Ж. К.“ № 25.

Со своей стороны, „Neue Freie Presse“ возмущалась, что можно говорить объ умиротвореніи. Для нея умиротвореніе могло вытекать только „изъ войны на ножахъ съ велико-сербскимъ движеніемъ“. [1]) Поэтому, когда ультиматумъ былъ предъявленъ, боялись только одного, какъ бы Сербія не уступила. [2]) „Тонъ прессы, пишетъ $^{25}/_{12}$ іюля сэръ М. де Бунзенъ, оставляетъ впечатлѣніе, что подчиненія Сербіи не ждутъ да поправдѣ сказать и не желаютъ.“ [3])

Война же съ Сербіей—это была открытая дверь для европейской войны. Конечно, нельзя былобы утверждать, что всѣ въ Вѣнѣ твердо желали этого расширенія конфликта. Утверждаютъ, что графъ Берхтольдъ и его приближенные удовольствовались бы „локализованной операціей противъ Сербіи“. Но, наоборотъ, цѣлый кланъ считалъ нужнымъ „дѣйствовать раньше, чѣмъ Россія закончитъ свои большія преобразованія въ арміи и въ системѣ желѣзнодорожныхъ путей, и раньше, чѣмъ Франція доведетъ до желательной степени свою военную организацію“ [4]).

Во всякомъ случаѣ, даже наиболѣе умѣренные не могли не давать себѣ отчета въ томъ, что если война начнется, нельзя положиться, что удастся локализовать ее.

---

[1]) „Ж. К.“ № 12.
[2]) „Ж. К.“ № 27.
[3]) Бр. Пер.“ № 20.
[4]) “Ж. К.“ № 14.

Ультиматумъ былъ извѣстенъ Германіи.

Раздѣляетъ-ли Германія ту тяжелую отвѣтственность, которая падаетъ такимъ образомъ на Австрію? Знала ли она объ ультиматумѣ раньше, чѣмъ онъ былъ опубликованъ, и подстрекала ли она свою союзницу рискнуть предъявленіемъ его?

Канцлеръ, г. фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, и статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, г. фонъ-Яговъ, постоянно утверждали, что они совершенно не знали объ австрійскихъ требованіяхъ до предъявленія ихъ въ Бѣлградѣ и что, если они безъ оговорокъ одобряютъ ихъ, то все-таки не могутъ быть отвѣтственны за нихъ.

Однако, эти многократныя утвержденія были встрѣчены повсюду только со скептицизмомъ и недовѣріемъ. Находили весьма страннымъ, что Германія могла, какъ мы увидимъ, энергично поддерживать австрійскія требованія, если она не знала всего ихъ объема [1]). Также казалось невѣроятнымъ, что г. фонъ-Чирскій, германскій посолъ въ Вѣнѣ, извѣстный сербофобъ и руссофобъ, заранѣе склонный къ самымъ рѣзкимъ рѣшеніямъ, оставался бы въ невѣдѣніи того, что замышлялось. Въ дѣйствительности сэръ М. де-Бунзенъ заявляетъ, что ему извѣстно изъ частнаго источника, что германскій посолъ зналъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и что

---

[1]) Ж. К.« № 30.

онъ сообщилъ его по телеграфу германскому императору [1]).

Кромѣ того, въ настоящее время мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ это предположеніе.

Въ Германіи существуетъ подготовительная къ мобилизаціи мѣра, заключающаяся въ томъ, что солдаты и офицеры запаса получаютъ предупрежденіе быть наготовѣ къ призыву, который можетъ вскорѣ послѣдовать. Это, по выраженію г. Камбона, „всеобщее „берегись!“ къ чему прибѣгаютъ въ тревожныя эпохи. Такое предупрежденіе было сдѣлано въ 1911 г., во время переговоровъ о Марокко [2]). И вотъ 21/8 іюля 1914 г. г. Камбонъ узналъ, что подобное распоряженіе, предшествующее мобилизаціи, было отправлено „запаснымъ тѣхъ разрядовъ, которые должны получать его въ подобныхъ случаяхъ“ [3]). Это происходило какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Австрія старалась успокоитъ Европу. Слѣдуетъ думать, что Германія была увѣдомлена о томъ, что подготовляется.

Около этого же времени (23/10 іюля) баварскій премьеръ-министръ въ разговорѣ съ нашимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ, былъ вынужденъ сказать ему, что „онъ зналъ“ объ австрійской нотѣ [4]). Однако, въ тотъ моментъ Сербія еще не получила ея, и она стала извѣстна державамъ только

---

[1]) „Бр. Пер.“ № 95.
[2]) „Ж. К.“ № 3.
[3]) „Ж. К.“ № 15.
[4]) „Ж. К.“ № 21.

24/11 іюля. Какъ допустить предположеніе, что Австрія смогла умолчать отъ Германіи то, что она сочла должнымъ довѣрить Баваріи? [1]).

Кромѣ того, мы имѣемъ признаніе самого германскаго правительства. Въ предисловіи, предшествующемъ „Бѣлой Книгѣ", послѣ констатированія положенія, въ которомъ находилась Австрія вслѣдъ за Сараевскимъ покушеніемъ, официальный авторъ добавляетъ:

„Подобныя обстоятельства ясно обнаружили передъ Австро-Венгріей, что несовмѣстимо съ достоинствомъ и чувствомъ самосохраненія монархіи дольше терпѣть и равнодушно смотрѣть на эту пропаганду по ту сторону границы. Императорское и королевское правительство обратило вниманіе Германіи на это обстоятельство, прося при этомъ нашего мнѣнія. Отъ всей души мы согласились съ оцѣнкой создавшагося положенія нашей союзницы и обѣщали ей всяческое наше содѣйствіе, дабы положить конецъ революціонному движенію, направленному противъ сохранности и цѣлости Австро-Венгерской монархіи.

Мы ясно сознавали, что враждебная позиція Австро-Венгріи по отношенію къ Сербіи можетъ вызвать вмѣшательство Россіи, а это въ свою очередь можетъ вовлечь и насъ въ войну, въ виду нашихъ союзническихъ обязательствъ. Тѣмъ не

---

[1]) Позже баварское правительство сочло нужнымъ опровергнуть этотъ разсказъ; но г. Аллизэ, авторъ его, поддерживаетъ его полностью. Быть можетъ, баварское правительство играетъ словами: оно не знало текста ноты, но конечно, оно знало ея содержаніе.

менѣе, принимая во вниманіе, что въ данномъ случаѣ затронуты жизненные интересы Австро-Венгріи, мы не нашли возможнымъ совѣтовать нашей союзницѣ принимать политику уступокъ, не соотвѣтствующую ея достоинству, и не могли также отказать ей въ своей помощи въ эти дни испытаній. Мы должны были занять подобную позицію и еще въ силу того, что продолжавшаяся сербская агитація угрожала и нашимъ собственнымъ интересамъ. Если-бы Сербія, поддерживаемая Россіей и Франціей, продолжала угрожать существованію Австро-Венгріи, то это имѣло-бы послѣдствіемъ постепенное крушеніе Австріи, подчиненіе всѣхъ славянъ русскому скипетру, а это въ свою очередь, поставило бы всѣхъ тевтоновъ въ центральной Европѣ въ критическое положеніе.

325028

Австро-Венгрія, морально ослабленная натискомъ русскаго панславизма, потеряла-бы для насъ значеніе союзницы, на которую мы могли бы расчитывать и которая намъ нужна, принимая во вниманіе все болѣе и болѣе угрожающее положеніе, занимаемое нашими восточнымъ и западнымъ сосѣдями. Мы поэтому предоставили Австро-Венгріи полную свободу дѣйствій по отношенію къ Сербіи, но не принимали участія въ ея приготовленіяхъ [1]). Это есть сознаніе въ томъ, что Германія знала, если не самыя выраженія, то. по крайней мѣрѣ духъ ультиматума и его общее содержаніе. Возможно, что она не знала подробностей редакціи его. Но, предполагая, что это незнаніе, весьма впрочемъ второстепенной важности, было дѣйстви-

[1]) „Б. К." Предисловіе, стр. 5—6.

ИМЭЛ ЦК В.К.П.(б)

тѣльнымъ, оно все же не давало права германскому правительству заявлять категорическимъ тономъ, что оно ничего не знало раньше другихъ державъ объ австрійской нотѣ и что оно не раздѣляетъ отвѣтственности за нее. Что бы оно ни говорило, оно знало ея сущность.

Оно не только знало ее, но и одобряло, оно присоединилось къ ней, — слѣдуя приведенному выраженію, — отъ всего сердца: оно сдѣлало ее своей. Поэтому его слѣдуетъ считать со-виновникомъ выступленія, на которое Австрія никогда не осмѣлилась бы, если бы она не была увѣрена въ поддержкѣ своей могущественной союзницы. Къ тому же, настроеніе умовъ въ Берлинѣ было столь же воинственно, какъ и въ Вѣнѣ. „Всѣ газеты", пишетъ 24/11 іюля русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Германіи, даже тѣ, которыя признаютъ непріемлемость для Сербіи поставленныхъ ей условій, относятся весьма сочувственно къ рѣшительному тону Австріи" [1]). „Одна германская особа", говоритъ г. Камбонъ, „передала мнѣ, что здѣсь опасаются, какъ бы Сербія не приняла цѣликомъ австрійскую ноту" [2]). Германія съ самаго начала гораздо яснѣе сознавала тотъ рискъ, какому она подвергала Европу: дѣйствительно, въ Австріи, повидимому, думали, что Россія, согласно выраженію одного дипломата, „сдрейфитъ" и предоставитъ свободу дѣйствій; [3]) напротивъ, германскій Канцлеръ 28/15 іюля предупреждалъ союзныя

[1]) „О. К." № 7.
[2]) „Ж. К." № 47.
[3]) „Ж. К." №№ 12, 50. Бр. пер. №№ 71 и 80.

правительства, что если Россія вмѣшается въ пользу Сербіи, то это вызоветъ европейскую войну [1]).

Позиція державъ. Первыя попытки къ соглашенію, отвергнутыя Германіей и Австріей.

Съ этого момента Германія, хотя она непосредственно и не заинтересована въ вопросѣ, выступаетъ на первый планъ и занимаетъ явно непреклонную и даже угрожающую позицію.

24/11 іюля г. фонъ-Шенъ изложилъ точку зрѣнія своего правительства временно управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, г. Бьенвеню-Мартену. Германія полагаетъ, сказалъ онъ, что этотъ вопросъ касается только Австріи и Сербіи. Всякое вмѣшательство другой державы сможетъ вызвать, „благодаря союзническимъ отношеніямъ, неисчислимыя послѣдствія“ [1]). Это значило отказывать Россіи въ правѣ посредничества [2]). Но вѣдь весь міръ зналъ, что полное невмѣшательство Россіи невозможно какъ по моральнымъ, такъ и по политическимъ соображеніямъ. Между русскимъ

[1]) „Б. К.“ № 2.

[2]) „Ж. К.“ № 28.

[3]) Правда, на другой день г. фонъ-Шенъ заявлялъ, что его сообщеніе не содержало никакой угрозы („Ж. К.“ № 36). Въ тотъ же день австрійскій посолъ въ Лондонѣ объяснялъ сэру Эд. Грею, что австрійская нота является не ультиматумомъ, но „выступленіемъ съ ограниченіемъ времени“ („Бр. Пер.“ № 14) и что вопросъ идетъ лишь о „военныхъ приготовленіяхъ, но не о дѣйствіяхъ“. Эти словесныя заявленія, опровергнутыя событіями, являлись только средствомъ усыпить тревогу и замедлить дѣятельность державъ.

народомъ и сербской націей существуетъ тѣсная связь, вытекающая, какъ изъ этническаго родства, такъ и изъ общности историческихъ воспоминаній. Будучи естественной и традиціонной покровительницей славянскихъ народовъ, великая Россія не могла оставить безъ защиты маленькую Сербію. Кромѣ того, рѣчь шла для нея о жизненныхъ интересахъ: ибо пораженіе Сербіи, ставшей вассаломъ Австріи, означало бы нарушеніе равновѣсія на Балканахъ къ выгодѣ этой послѣдней [1]). Господство Австріи надъ Сербіей, сказалъ однажды русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Сазоновъ, настолько же непріемлемо для Россіи, какъ для Англіи было бы непріемлемо господство Германіи надъ Голландіей. Для Россіи это является вопросомъ жизни или смерти“ [2]). Ультиматумъ, такимъ образомъ, черезъ голову Сербіи цѣлилъ и попадалъ въ Россію, и вопросъ, поставленный Германіей, могъ истолковываться слѣдующимъ образомъ: или униженіе и моральное ослабленіе Россіи, или война.

Другія державы единодушно усматривали въ ультиматумѣ юридическій и дипломатическій скандалъ. „Никогда не видано“, сказалъ сэръ Эд. Грей, чтобы одно государство обращалось къ другому независимому государству съ документомъ столь грознаго характера“ [3]). Даже Италія, хоть и союзница Австріи и Германіи, заявила, что „она, навѣрное, не одобрила бы австрійской ноты, если бы

---

[1]) „Бр. Пер.“ № 97.
[2]) „Бр. Пер,“ № 139.
[3]) „Бр. Пер.“ № 5.

та была сообщена ей до опубликованія", и она отклоняла „всякую отвѣтственность за столь важный шагъ Австріи" [1]). Если бы, при этихъ условіяхъ, Россія дѣйствительно желала войны, какъ ее въ томъ позднѣе обвиняла Германія, ей было бы легко добиться своей цѣли: она должна была предоставить событіямъ развиваться своимъ чередомъ. Но, напротивъ, г. Сазоновъ немедленно заявилъ, что онъ готовъ испробовать все, чтобы помѣшать развитію конфликта. „Слѣдуетъ избѣгать всего", сказалъ онъ французскому послу въ Петербургѣ г. Палеологу, „что могло бы ускорить кризисъ. Я думаю, что даже въ томъ случаѣ, если австро-венгерское правительство начнетъ дѣйствія противъ Сербіи, мы не должны прерывать переговоры" [2]). Его дѣйствія не расходились съ его словами, и не только Франція, но и Англія, и Италія поддерживали его усилія.

Германія съ самаго начала, черезъ посредство своего посла въ Лондонѣ, просила Англію дѣйствовать въ Петербургѣ и давать тамъ совѣты о невмѣшательствѣ, т. е. въ общемъ защищать тамъ германскую точку зрѣнія. Сэръ Эд. Грей отвѣтилъ, что выраженія ультиматума не позволяютъ ему говорить подобнымъ языкомъ, ибо русское правительство основательно находитъ австрійскія домогательства недопустимыми [3]). Но онъ предло-

[1]) „Ж. К." № 56.

[2]) „Ж. К." № 38,

[3]) Мы читаемъ, однако, въ Предисловіи къ „Бѣлой Книгѣ", что оба правительства, и французское, и англійское, обѣщали дѣйствовать въ томъ же духѣ, что и германское правительство

жилъ соглашеніе великихъ державъ для совмѣстнаго умиротворяющаго воздѣйствія на Вѣну и Петербургъ. Для этой цѣли содѣйствіе Германіи было, конечно, незамѣнимо. Объ этомъ содѣйствіи ее просили, но получили категорическій отказъ. Германское правительство отвѣтило, что оно не можетъ „вмѣшиваться въ конфликтъ“ [1]). Такимъ образомъ, оказалась закрытой дорога къ примиренію, которую пытались открыть [2]).

Итакъ, выяснялась трудность переговоровъ. А благодаря тому, что срокъ, назначенный ультиматумомъ, былъ очень кратокъ, нашли, что самымъ спѣшнымъ являлось достиженіе продленія его. Такимъ путемъ выиграли бы время для обсужденія раньше, чѣмъ былъ бы совершенъ какой-нибудь непоправимый актъ. Это предложеніе исходило отъ г. Сазонова [3]); Франція, Англія и Италія обѣщали поддержать его [4]). Къ тому же было легко оправдать его: державамъ нужно было нѣкоторое время, чтобы разсмотрѣть требованія Австріи. Предложеніе было направлено одновременно въ Берлинъ и Вѣну. Когда г. Броневскій, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Германіи, исполняя порученіе, обратился въ Берлинѣ къ г. фонъ-

---

(стр. 9). Поражаешься, видя, какъ выставляютъ съ такимъ спокойствіемъ утвержденія, явно противорѣчащія истинѣ. Никогда ни Англія, ни Франція не допускали мысли, что Россія должна остаться въ сторонѣ.

[1]) „Ж. К.“ №№ 36 и 37.

[2]) Въ „Бѣлой Книгѣ“, какъ и въ „Предисловіи“ нѣтъ и слѣда этой первой попытки къ соглашенію.

[3]) „О. К.“ № 4.

[4]) „О. К.“ №№ 15 и 16; „Бр. Пер.“ № 29.

Ягову съ просьбой объ аудіенціи, тотъ сначала откладывалъ ее къ концу дня 25/12 іюля, т. е. къ моменту истеченія срока ультиматума. Благодаря настойчивости г. Броневскаго, онъ былъ принятъ немного раньше, но лишь для того, чтобы выслушать, что это предложеніе будетъ просто сообщено въ Вѣну. Г. фонъ-Яговъ не только не говорилъ о поддержкѣ его, но добавилъ, что шагъ этотъ слишкомъ запоздалъ и что, кромѣ того, онъ считаетъ мало удобнымъ для Австріи уступить въ послѣдній моментъ; онъ даже задавался вопросомъ, не поведетъ ли это къ тому, чтобы „усилить самоувѣренность Сербіи". А когда въ Вѣнѣ русскій повѣренный въ дѣлахъ явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ, то оказалось, что графъ Берхтольдъ какъ разъ отсутствуетъ; онъ былъ принятъ генеральнымъ секретаремъ, но тотъ, проявивъ по отношенію къ нему „ледяную холодность", все же увѣрилъ его, что передастъ его предложеніе и, не колеблясь, предсказалъ ему категорическій отказъ [1]).

Съ этой поры ничего нельзя было сдѣлать: оставалось только ждать врученія сербскаго отвѣта Австріи.

Сербскій отвѣтъ.

Съ тревогой ждали его, ибо вообще думали, что Сербія не подчинится, настолько чрезмѣр-

[1]) „О. К." №№ 14 и 11; „Ж. К. № 45. Въ „Бѣлой Книгѣ" нѣтъ никакихъ слѣдовъ и этой второй попытки соглашенія, также неудачной.

ными признавались австрійскія требованія. Желали только одного: чтобъ она не отвѣтила категорическимъ отказомъ, дѣлающимъ невозможнымъ всякое посредничество.

И вотъ, 25/12 іюля, въ 5 ч. 45 м. вечера она вручила свой отвѣтъ, являвшійся полнымъ подчиненіемъ.

Сербія обязывалась сдѣлать торжественную декларацію, которую отъ нея требовали, и притомъ въ точныхъ, предписанныхъ ей выраженіяхъ. Что касается другихъ десяти пунктовъ ультиматума, то два изъ нихъ, только два, были приняты ею съ нѣкоторыми оговорками. Это пункты, касающіеся сотрудничества иностранныхъ должностныхъ лицъ.

Сербское правительство замѣчало, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета, въ чемъ могло бы состоять это сотрудничество въ дѣлѣ „подавленія революціоннаго движенія“. Однако, оно выражало готовность допустить его, „поскольку оно соотвѣтствуетъ нормамъ международнаго права и уголовнаго судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ“ (§ 5).

Равнымъ образомъ было признано невозможнымъ участіе въ судебномъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, такъ какъ это являлось бы „нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ“. Однако, добавляла нота, „въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія объ результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ“ (§ 6).

Во всемъ остальномъ Сербія обязывалась сообра-

зоваться съ австрійскими требованіями. Относительно мѣропріятій, требуемыхъ противъ пропаганды въ текущей прессѣ, сербское правительство, правда, замѣчало, что оно, благодаря дѣйствующему законодательству, временно безоружно, такъ какъ возбужденіе ненависти къ Австріи не является согласно закону преступленіемъ, и конфискація печатныхъ произведеній, въ которыхъ могли бы проявляться подобныя тенденціи, не разрѣшается конституціей. Но оно обязывалось провести необходимые законы при первомъ же созывѣ скупщины и при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи.

Наконецъ, въ томъ случаѣ, если бы австрійское правительство не было удовлетворено отвѣтомъ, сербское правительство заявило, что оно „готово, какъ всегда, пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала или великихъ державъ".

Такимъ образомъ, даже въ этихъ оговоренныхъ пунктахъ была широко открыта дверь для соглашенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта неожиданная уступчивость была обязана воздѣйствію Россіи. Дѣйствительно, 27/14 іюля, т. е., когда миръ былъ еще болѣе скомпрометированъ, чѣмъ въ описываемый нами моментъ, Русскій Императоръ въ отвѣтъ на обращеніе отъ 20 іюля сербскаго королевича Регента, настоятельно рекомендовалъ ему благоразуміе и сдержанность: „Мое правительство, говорилъ Царь, принимаетъ всѣ

усилія, дабы устранить настоящія затрудненія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Ваше Высочество и Королевское Правительство проникнуты желаніемъ облегчить эту задачу, не пренебрегая ничѣмъ, дабы придти къ рѣшенію, которое, сохраняя достоинство Сербіи, предупредило бы ужасы новой войны.

Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія, всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой цѣли" [1]).

---

[1]) „О. К." № 40.

II. ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ РАЗРЫВЪ И ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ СЕРБІИ.

(25/12—28/15 іюля).

Можно было считать миръ обезпеченнымъ, и самъ г. фонъ-Яговъ признавалъ 29/16 іюля, что „онъ усматривалъ (въ сербскомъ отвѣтѣ) возможную базу для переговоровъ". Къ несчастію, Австрія не пожелала удовлетвориться одержаннымъ успѣхомъ. Нота была вручена въ 5 ч. 25 м. вечера. Нѣсколько времени спустя, австрійскій посланникъ прервалъ дипломатическія сношенія. Онъ даже не потратилъ времени, фактически необходимаго для изученія ноты, могущей имѣть такія серьезныя послѣдствія. Это значило, что у него былъ приказъ разорвать сношенія при всякомъ положеніи дѣла. Кромѣ того, этотъ разрывъ настолько отвѣчалъ желаніямъ правительства и общественнаго мнѣнія, что извѣстіе о немъ было принято съ энтузіазмомъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ [1]).

Въ тотъ самый моментъ Австрія не испытывала необходимости оправдывать свое рѣшеніе; только 28/15 іюля объяснительная и вдобавокъ очень краткая нота была вручена г. Бьенвеню-Мартену. Сербскій отвѣтъ въ трехъ основныхъ

[1]) „Ж. К." № 47; „Бр. Пер." № 41.

пунктахъ былъ признанъ совершенно недостаточнымъ [1]).

Было квалифицировано, какъ пустая отговорка, то основаніе, которое выставляла Сербія для принципіальнаго недопущенія сотрудничества австро-венгерскихъ должностныхъ лицъ въ розыскахъ участниковъ заговора, находящихся на сербской территоріи. Говорилось, что Австрія требовала этого сотрудничества для „полицейскихъ розысковъ", а не для „судебнаго разслѣдованія". Сербія, значитъ, прибѣгла къ кривотолкованію, подмѣнивъ одно выраженіе другимъ.

Во-вторыхъ, заявлялось, что мѣры, предложенныя для прекращенія выступленій печати, равносильны отказу; дѣло въ томъ, что процессы противъ печати рѣдко бываютъ дѣйствительными, и, кромѣ того, не была совершенно фиксирована окончательная дата нововведеній, которыя обѣщалось внести въ законодательство.

Наконецъ, если Сербія, въ пунктѣ, касающемся враждебныхъ обществъ, обѣщала распустить общество „Народна Одбрана", то она сознательно отказывалась принять во вниманіе случай образованія этого общества подъ другимъ наименованіемъ [2]).

Но трудно не увидѣть, какая огромная дистанція лежала между незначительностью этихъ жалобъ и важностью рѣшенія, принятаго Австріей.

---

[1]) „Ж. К." № 75 bis.

[2]) Это и слѣдующія объясненія заимствованы не изъ ноты, полученной г. Бьенвеню-Мартэномъ и сообщающей безъ всякихъ доказательствъ австрійскія жалобы, но изъ „Бѣлой Книги" (стр. 30 и сл,). Сербскій отвѣтъ въ ней снабженъ комментаріемъ австрійскаго происхожденія, имѣющимъ задачей показать чистую призрачность уступокъ Сербіи.

Австрійскія жалобы были особенно необъяснимы въ послѣднемъ пунктѣ: вѣдь Сербія обязывалась распустить не только общество „Народна Одбрана“, но и всякое другое общество, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи“. Названіе поэтому не играло никакой роли въ дѣлѣ.

Что касается мѣропріятій для обузданія прессы, Австрія, чтобы имѣть основанія квалифицировать сербское предложеніе, какъ скрытый отказъ, должна была, по крайней мѣрѣ, указать какой-нибудь другой легальный способъ, который былъ бы болѣе дѣйствителенъ. Но она никакого иного способа не указывала. И, дѣйствительно, не видно, какимъ образомъ было возможно карать за дѣла, до той поры законныя, безъ новаго закона, который призналъ бы ихъ преступными, или какимъ образомъ можно было бы легально конфисковать публикаціи, если конституція запрещала эту конфискацію. Или, можетъ быть, Австрія требовала отъ Сербіи незаконныхъ и насильственныхъ дѣйствій?

Поэтому единственнымъ серьезнымъ возраженіемъ было то, которое касалось сотрудничества австро-венгерскихъ должностныхъ лицъ. Но если затрудненія, выставленныя Сербіей, проистекали единственно отъ того, что она неправильно замѣнила слово „розыски“ словомъ „слѣдствіе“, то развѣ нельзя было мирнымъ путемъ выяснить сначала, нѣтъ ли тутъ съ ея стороны ошибки, а не прибѣгать немедленно для разрѣшенія вопроса къ оружію?

Интересное выступленіе Германіи.

Въ этотъ фазисъ кризиса общая позиція Австріи и Германіи оставалась той же, что и раньше: мы скоро будемъ имѣть доказательства того. Однако, въ этотъ моментъ Германія сдѣлала интересное выступленіе, заслуживающее быть отмѣченнымъ.

26/13 іюля, т. е. на другой день послѣ разрыва г. фонъ-Шенъ является къ г. Бьенвеню Мартэну и повторяетъ ему предложеніе, съ которымъ Германія уже обратилась къ сэру Эд. Грею. Австрія, говоритъ онъ, дала знать Россіи, что она не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ; она желаетъ только обезпечить свое спокойствіе. Вслѣдствіе этого миръ обезпеченъ, если Россія удержится отъ всякаго вмѣшательства, т. е. если она позволитъ Австріи поступить съ Сербіей такъ, какъ та заслуживаетъ. Пусть Франція употребитъ въ этомъ направленіи свое вліяніе въ С.-Петербургѣ, и ее послушаютъ. „Германія, добавляетъ онъ, чувствуетъ себя солидарной съ Франціей въ пламенномъ желаніи сохраненія мира“. И это утвержденіе о солидарности было съ настоятельностью повторено въ концѣ разговора [1]).

Въ тотъ же день, въ 7 ч. вечера, посолъ вернулся въ министерство; онъ проходитъ въ политическій отдѣлъ и проситъ, для избѣжанія ошибочныхъ комментаріевъ, сообщить прессѣ извѣщеніе о разговорѣ, бывшемъ въ полдень. Онъ даже предла-

[1]) „Ж. К„. № 56.

гаетъ составить эту ноту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Германскій посолъ и министръ иностранныхъ дѣлъ имѣли въ полдень новое собесѣдованіе, во время котораго они разсматривали, въ самомъ дружественномъ духѣ и съ чувствомъ мирной солидарности, тѣ средства, къ которымъ можно было бы прибѣгнуть для обезпеченія всеобщаго мира“ [1]). Утромъ 27/14 іюля онъ отправилъ директору политическаго отдѣла письмо по этому же поводу, въ которомъ, прорезюмировавъ снова разговоръ, бывшій наканунѣ, онъ прибавлялъ“: „Отмѣтьте хорошенько фразу о солидарности мирныхъ чувствъ. Это не банальная фраза“ [2]).

Естественно, что французское правительство отказалось присоединиться къ предложенію, которое могло только вовлечь въ ошибку общественное мнѣніе; ибо, предполагая даже, что Германія раздѣляла мирныя чувства Франціи, оба правительства не относились къ миру одинаковымъ образомъ. Германія желала воздѣйствія только на Петербургъ, чтобы у вѣнскаго кабинета руки были свободны; Франція же могла присоединиться только къ одновременному воздѣйствію на Вѣну и на Петербургъ. Но зачѣмъ тогда просить публичнаго выступленія, которое такъ мало согласовалось съ дѣйствительностью? Не стремились ли заставить повѣрить, что Франція дѣйствуетъ совмѣстно съ Германіей для того, чтобы скомпрометтировать французское правительство въ глазахъ

---

[1]) „Ж. К.“ № 57.
[2]) „Ж. К.“ № 62.

Россіи и дезорганизовать двойственный союзъ? Такимъ путемъ, изолируя Россію, въ то же время мирными, но только словесными завѣреніями подготовляли себѣ своего рода предлогъ для того, чтобы взвалить затѣмъ на обоихъ союзниковъ отвѣтственность за войну въ случаѣ возникновенія ея, какъ уже можно было предвидѣть.

Двѣ новыя попытки къ соглашенію, отвергнутыя Германіей и Австріей.

Въ то время, какъ Германія этимъ двусмысленнымъ выступленіемъ преслѣдовала только личные интересы, державы Тройственнаго Согласія, поддерживаемыя Италіей, дѣятельно старались о сохраненіи мира. Дипломатическія отношенія были прерваны, но война не была объявлена; быть можетъ, удалось бы задержать конфликтъ до открытія враждебныхъ дѣйствій.

Съ самаго начала сэръ Эд. Грей съ замѣчательной ясностью опредѣлилъ позицію Англіи въ этой тяжбѣ.

Австро-сербская война сама по себѣ не интересовала его, и если бы Австрія могла непосредственно урегулировать свое дѣло съ Сербіей безъ вмѣшательства Россіи, онъ предоставилъ бы ей свободу [1]). Но онъ не могъ терять изъ виду, что, при объявленіи войны между этими двумя странами, для Россіи было бы невозможно равнодушно присутствовать при разгромѣ Сербіи. И вотъ, это

[1]) „Бр. Пер." № 10.

вмѣшательство Россіи, вызывая вмѣшательство Германіи, угрожало европейскому миру, въ сохраненіи котораго Англія была живо заинтересована. Если до Сербіи ей было мало дѣла, то миръ былъ ей дорогъ. Правда, для достиженія этой цѣли, было одно средство, которое могло казаться очень дѣйствительнымъ: съ самаго начала соединиться съ Россіей и Франціей и возвѣстить, что, въ случаѣ войны, Англія будетъ поддерживать обоихъ союзниковъ. Дѣйствительно, можно думать, что если бы Германія была увѣрена въ томъ, что британскій флотъ будетъ противъ нея, она стала бы менѣе непреклонной. Это то, что г. Сазоновъ не упустилъ указать британскому правительству [1]). Однако, сэръ Эд. Грей отказался, и не одинъ разъ, дать по этому пункту обязательства, которыя связали бы его на будущее время. Пока Австрія и Сербія были однѣ замѣшаны въ дѣлѣ, общественное мнѣніе въ Англіи не поняло бы, зачѣмъ подвергаться опасности войны ради вопроса, который не затрагивалъ непосредственно англійскихъ интересовъ [2]). Безъ сомнѣнія, если бы конфликтъ расширился, явилось бы много шансовъ для Англіи быть вовлеченной въ него; но ея позиція зависѣла бы отъ обстоятельствъ, и ради этого она стремилась сохранить свою свободу. Это значило дать понять, что если Россія предприметъ слишкомъ поспѣшныя мѣры, то Англія не отвѣчаетъ за послѣдствія, которыя могутъ изъ

---

[1]) „Бр. Пер." № 6.
[2]) „Бр. Пер." № 24.

этого вытечь [1]). Сэръ Эд. Грей добавлялъ еще, что онъ сможетъ съ большимъ авторитетомъ вести переговоры съ Германіей, если онъ не выставитъ себя заранѣе въ качествѣ возможнаго противника [2]).

Кромѣ того, онъ былъ особенно подходящъ для веденія этихъ переговоровъ; ибо отсутствіе точныхъ обязательствъ по отношенію къ тяжущимся сторонамъ позволяло ему оцѣнивать положеніе съ полнымъ безпристрастіемъ. Онъ нисколько не отрицалъ, что Австрія могла быть серьезно недовольна Сербіей [3]); онъ даже говорилъ, что эта послѣдняя нуждается въ урокѣ. Но онъ полагалъ, что, подъ предлогомъ униженія Сербіи, не слѣдовало добиваться униженія Россіи [4]). Ему казалось, что сербскій отвѣтъ давалъ удовлетвореніе Австріи больше, чѣмъ на то можно было надѣяться; по крайней мѣрѣ въ немъ онъ видѣлъ почву для переговоровъ и размышленія [5]).

По всѣмъ этимъ пунктамъ соглашеніе съ Россіей было легко. Она также признавала вполнѣ понятными мотивы рѣшенія Австріи и согласилась, что „нѣкоторыя изъ ея требованій были достаточно разумны", но что другія изъ нихъ неисполнимы, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ; таковы требованія объ измѣненіи закона о печати и объ обществахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ также несовмѣстимы съ достоин-

---

[1]) „Бр. Пер." № 17.
[2]) „Бр. Пер." № 44.
[3]) „Бр. Пер. № 5.
[4]) „Бр. Пер." № 90.
[5]) „Бр. Пер." № 46.

ствомъ Сербіи, какъ независимаго государства [1]). „Если вы, говорилъ г. Сазоновъ австрійскому послу, не преслѣдовали иной цѣли, кромѣ защиты вашей территоріи отъ выступленій сербскихъ анархистовъ", то ваши намѣренія законны; „но недопустимъ пріемъ, къ которому вы прибѣгли. Возьмите обратно вашъ ультиматумъ, заключилъ онъ, измѣните его форму, и я вамъ гарантирую результатъ" [2]). Въ конечномъ итогѣ его требованія сводились къ тому, „чтобы была гарантирована цѣлость сербской территоріи и ея права суверенаго государства признавались бы настолько, чтобы она не сдѣлалась вассаломъ Австріи". На этихъ условіяхъ онъ заявлялъ готовность „употребить все свое вліяніе въ Бѣлградѣ, чтобы сербское правительство пошло возможно дальше по пути соглашенія" [3]).

Были испробованы два средства, чтобы добиться этого результата.

Сэръ Эд. Грей, возвращаясь съ болѣе точной формулировкой къ идеѣ, высказанной имъ съ самаго начала, предложилъ посредничество четырехъ великихъ державъ, не заинтересованныхъ непосредственно въ тяжбѣ. Послы Франціи, Германіи и Италіи должны были быть уполномочены собраться на конференцію вмѣстѣ съ сэромъ Эд. Греемъ съ цѣлью изыскать сообща выходъ; но было бы условлено, что во время переговоровъ

---

[1]) „О. К." № 25.
[2]) „Ж. К." № 54.
[3]) „Бр. Пер." № 55.

Сербія, Россія и Австрія „воздержатся отъ какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствій“ [1]). Этотъ способъ дѣйствій, повидимому, представлялъ многочисленныя преимущества: Сербія уступила бы Европѣ легче, чѣмъ Австріи, а, съ выигрышемъ времени, увеличились бы шансы мирнаго разрѣшенія вопроса.

Идея эта была принята весьма охотно Франціей и Италіей [2]). Г. Сазоновъ заявилъ, что онъ также готовъ присоединиться къ ней. Но, пользуясь перерывомъ въ переговорахъ, онъ пытался достичь соглашенія и другимъ путемъ: онъ предложилъ Австріи вести переговоры непосредственно, не прибѣгая ни къ чьему посредничеству. Поэтому ему нужно было выждать, какъ будетъ принято его предложеніе. Однако, онъ полагалъ, что если даже завяжутся переговоры, которыхъ онъ желалъ, было бы важно, чтобы въ теченіе этихъ непосредственныхъ переговоровъ, онъ находился бы въ тѣсной связи съ державами, а эти послѣднія—другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, оба эти способа дѣйствій не только не исключали, но взаимно дополняли другъ друга [3]).

Англія очень скоро узнала о судьбѣ своего проекта: Германія рѣшительно отказалась заняться имъ. Она охотно принимала, хотя и въ очень общихъ чертахъ, самый принципъ посредничества четырехъ державъ, но она не желала конференціи. Это означало бы, говорила она, поставить Австрію и

[1]) „Бр. Пер.“ № 36.
[2]) „Бр. Пер.“ №№ 51 и 49.
[3]) „Бр. Пер.“ №№ 53 и 55.

Россію передъ особаго рода третейскимъ судомъ; а это казалось ей недопустимымъ. Напрасно сэръ Эд. Грей и англійскій посолъ въ Берлинѣ отвѣчали, что дѣло идетъ просто о частномъ совѣщаніи безъ официальныхъ отчетовъ, во время котораго постарались бы сообща обсудить, что можно было бы предпринять [1]). Г. фонъ-Яговъ оставался на своей позиціи, ничѣмъ притомъ не оправдывая ея. По этому поводу онъ имѣлъ 27/14 іюля разговоръ съ г. Ж. Камбономъ, принявшій въ одинъ моментъ патетическій оборотъ. Когда онъ еще разъ повторилъ, что нельзя „устраивать конференцію для разбора дѣлъ Австріи и Россіи“, г. Камбонъ запротестовалъ. Предложеніе сэра Эд. Грея, сказалъ онъ, стоитъ выше простого вопроса о формѣ. Важно объединить Англію, Францію, Германію и Италію „въ дѣлѣ строительства мира“; подобный союзъ, разъ образовавшись, могъ бы „проявить себя общими выступленіями въ Вѣнѣ и С.-Петербургѣ“, и это явилось бы прекраснымъ и спасительнымъ примѣромъ того, какъ двѣ союзныхъ группы дѣйствуютъ съ общаго согласія, чтобы воспрепятствовать конфликту, вмѣсто того, чтобы быть въ вѣчной оппозиціи другъ другу: такимъ образомъ было бы видно, что дѣйствительно существуетъ европейскій духъ. Но г. фонъ-Яговъ спрятался за уклончивыми положеніями: онъ выставлялъ свои обязательства по отношенію къ Австріи; онъ заявлялъ, что еще не читалъ текста сербскаго отвѣта, съ которымъ, однако, была зна-

[1]) „Бр. Пер.„ №№ 43 и 67.

кома вся Европа (дѣло происходило 27/14 іюля), Тогда г. Камбонъ, утомленный и безъ сомнѣнія раздраженный этими неясными и уклончивыми отвѣтами, рѣзко спросилъ своего собесѣдника, „не желаетъ ли Германія войны". И когда этотъ послѣдній сталъ съ живостью заявлять о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, французскій посолъ сказалъ, что „надо же дѣйствовать послѣдовательно. Когда вы прочтете сербскій отвѣтъ, то во имя человѣчности, взвѣсьте его положенія въ вашей совѣсти и не берите на себя доли отвѣтственности за тѣ катастрофы, которымъ вы даете подготовиться" [1]). Призывъ остался безъ отвѣта.

Русское предложеніе не было болѣе успѣшно. Германское правительство нѣсколько разъ заявляло, что въ немъ имѣются свои преимущества; и, дѣйствительно, оно не имѣло никакихъ основаній противодѣйствовать ему, т. к. оно не налагало никакихъ обязательствъ на Германію [2]). Но когда г. фонъ-Ягова попросили поддержать его въ Вѣнѣ и дружески посовѣтовать Австрійскому правительству „итти въ этомъ примирительномъ направленіи", онъ возразилъ, „что не можетъ совѣтовать Австріи уступить" [3]). Также и Австрія не сдѣлала ничего, чтобы пойти на встрѣчу предложенію Россіи. Первый, совершенно частный разговоръ, произошелъ между г. Сазоновымъ и австрійскимъ посломъ,—и, казалось, результаты его были удовлетворительны: было найдено возможное со-

[1]) „Ж. К." № 74.
[2]) „Ж. К." № 74, „О. К." № 49.
[3]) „О. К." № 38.

глашеніе относительно характера гарантій, которыя можно было на законномъ основаніи потребовать отъ Сербіи [1]). При этихъ условіяхъ г. Сазоновъ попросилъ графа Берхтольда препроводить его послу необходимыя полномочія и инструкціи, чтобы начатый разговоръ могъ продолжаться официально. Но 28/15 іюля г. Сазоновъ не имѣлъ еще отвѣта и сталъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что „Австрія не желаетъ разговаривать“ [2]). Дѣйствительно, въ то же самое время графъ Берхтольдъ увѣдомилъ русскаго посла въ Вѣнѣ, что онъ не можетъ вести переговоровъ относительно выраженій австрійской ноты [3]). Это значило отвергнуть самый принципъ обмѣна мнѣніями [4]).

Въ концѣ концовъ, въ этотъ же самый день произошло событіе, которое желали предупредить или отсрочить. Послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній Австрія ограничивалась мобилизаціей: она даже позволяла понять, что враждебныя дѣйствія начнутся не сейчасъ же.

И вотъ, 28/15 іюля, какъ бы желая разомъ оборвать ведущіеся переговоры, была объявлена война и тотчасъ начались военныя дѣйствія [5]). Это рѣшеніе было тѣмъ болѣе прискорбно, что

---

[1]) „О. К.“ № 32; „Бр. Пер.“ № 56.

[2]) „Ж. К.“ № 82.

[3]) „Бр. Пер.“ № 61.

[4]) „О. К.“ № 50.

[5]) Австрійцы уже передъ объявленіемъ войны стрѣляли по двумъ сербскимъ пароходамъ и повредили ихъ; два сербскихъ торговыхъ судна были захвачены венгерскимъ мониторомъ („Бр. Пер.“ № 65).

Въ этотъ же день 28/15 іюля сербскій повѣренный въ дѣлахъ въ Римѣ сдѣлалъ министру иностранныхъ дѣлъ заявленіе, которое было способно ускорить миръ: „Если бы, сказалъ онъ, были сдѣланы нѣкоторыя разъясненія относительно того, въ какой формѣ австрійскіе органы будутъ требовать своего сотрудничества, согласно пунктамъ 5 и 6, то Сербія могла бы принять австрійскую ноту полностью [1]). Со своей стороны М. ди Санъ-Джуліано замѣтилъ, что если, ради своего достоинства, Австрія отказывалась дать эти разъясненія Сербіи, то она безъ затрудненій могла бы сообщить ихъ державамъ, которыя и передали бы ихъ сербскому правительству. Наконецъ, вопросъ о томъ, являются ли слова „разслѣдованіе“ и „розыски“ синонимами, могъ бы быть выясненъ иначе, чѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Задавали также вопросъ, чему обязано это столь рѣзкое рѣшеніе, выплывшее посреди переговоровъ и которое, казалось, стремилось ихъ пріостановить. Въ числѣ подозрѣній, порожденныхъ имъ, писалъ 28/15 іюля г. Палеологъ, „самымъ тревожнымъ является то, что Германія толкала ее (Австрію) къ нападенію на Сербію, чтобы самой вступить въ борьбу съ Россіей и Франціей при обстоятельствахъ, которыя она считаетъ чрезвычайно благопріятными для себя и въ легкихъ условіяхъ“ [2]). Мы ограничимся воспроизведеніемъ этого мнѣнія въ качествѣ документа.

[1]) „Бр. Пер.“ № 64.
[2]) „Ж. К.“ № 83.

III. ПЕРВЫЙ ГЕРМАНСКІЙ УЛЬТИМАТУМЪ РОССІИ.

(Дни 29/16 и 30/17 іюля).

По мѣрѣ того, какъ развивался кризисъ, все больше и больше удалялись отъ мирнаго разрѣшенія его. Напрасно Англія, Россія, Франція и Италія соединялись для предупрежденія страшнаго исхода—каждый изъ разсмотрѣнныхъ нами этаповъ былъ новымъ шагомъ къ войнѣ. Она была даже такъ близка, что чуть не вспыхнула 30/17 іюля.

Тройственное согласіе и Италія продолжаютъ переговоры. Уклончивая позиція Германіи.

Всѣ думали, что если Сербія подвергнется нападенію, Россія будетъ вынуждена немедленно оказать ей помощь [1]). И, однако, даже послѣ объявленія войны, примирительныя намѣренія г. Сазонова остались неизмѣнными. Г. Палеологъ сообщалъ 29/16 іюля французскому правительству, „что русское правительство согласится со всякаго рода способами, которые предложатъ ему Франція и Англія для сохраненія мира“ [2]). То же самое

---

[1]) „Бр. Пер.“ № 11.
[2]) „Ж. К.“ № 86.

говорилось въ Лондонѣ [1]). Г Сазоновъ просилъ только одного—не терять времени, для избѣжанія того, чтобы Австрія не воспользовалась этими проволочками и не раздавила Сербіи.

По внѣшности можно было думать, что шансы на миръ были еще значительны, такъ какъ языкъ, которымъ говорила въ этотъ моментъ Германія, выражалъ, повидимому, болѣе благопріятныя намѣренія. Можно было бы сказать, что произошелъ полный поворотъ и что Берлинскій кабинетъ рѣшился теперь употребить свое вліяніе въ Вѣнѣ въ пользу мира. Дѣйствительно, утромъ 29/16 іюля г. фонъ-Шенъ извѣстилъ г. Бьенвеню-Мартэна, правда офиціозно, что германское правительство продолжаетъ свои усилія, чтобы добиться отъ австрійскаго правительства объясненій относительно цѣли и объема предположенныхъ имъ операцій въ Сербіи. „Берлинскій кабинетъ, добавлялъ онъ, надѣется получить точныя указанія, которыя будутъ въ состояніи удовлетворить Россію... Когда будетъ извѣстно, какъ далеко идутъ требованія Австріи, явится почва для обсужденія“ [2]). То же самое сообщеніе было сдѣлано въ С.-Петербургѣ [3]) и въ Лондонѣ [4]). Германскій канцлеръ говорилъ 30/17 іюля сэру Эд. Грею, что онъ „нажалъ кнопку“, чтобы пустить въ ходъ механизмъ медіаціи; онъ даже задавалъ себѣ вопросъ, не сдѣлалъ ли онъ ошибки, не зашелъ ли

[1]) „Бр. Пер.“ № 78; „О. К.“ № 50.
[2]) „Ж К.)“ № 94.
[3]) „Бр. Пер.“ № 93, 2-ое при.
[4]) „Бр. Пер.“ № 84.

слишкомъ далеко, проповѣдуя въ Вѣнѣ умѣренность, и не рискуетъ ли онъ ускорить событія своей настойчивостью [1]).

Эти хорошія, хотя и немного общія слова могли казаться успокоительными. Къ несчастью, ни въ дипломатическихъ документахъ, ни въ ходѣ событій не замѣчается никакого слѣда умѣряющаго воздѣйствія, которое, по заявленію Германіи, она проявляла почти съ чрезмѣрнымъ стараніемъ.

Германское правительство опубликовало „Бѣлую Книгу“ исключительно для установленія того, что оно не отвѣтственно за войну, что оно сдѣлало въ интересахъ мира все, что было въ человѣческихъ силахъ. Лучшимъ способомъ доказательства своего тезиса было бы опубликованіе депешъ, въ которыхъ оно преподало эти мирныя инструкціи своему послу въ Вѣнѣ г. фонъ-Чирскому. Вѣдь изъ двадцати семи документовъ, содержащихся въ „Бѣлой Книгѣ“, нѣтъ ни одного касающагося этого вопроса. Нигдѣ нѣтъ тамъ вопроса о воздѣйствіи на австрійское правительство, чтобы обязать его умѣрить свою непреклонность. Тамъ мы видимъ, чтог ерманскій канцлеръ, въ телеграммѣ отъ 27/14 іюля, препровождаетъ въ Вѣну, притомъ нисколько не поддерживая ихъ, предложенія г. Сазонова и сэра Эд. Грея, о которыхъ шла недавно рѣчь; затѣмъ мы находимъ депешу, помѣченную 28/15 іюля, въ которой г. фонъ-Чирскій отвѣчаетъ, что графъ Берхтольдъ отклоняетъ ихъ, какъ слишкомъ запоздалыя, ибо война

---

[1]) „Бр. Пер.“ № 107.

Сербіи объявлена; и это все. Конечно, дипломатическій сборникъ содержитъ вообще только избранные документы. Но было бы странно, если бы германское министерство опустило именно тѣ документы, которое ему было всего выгоднѣе опубликовать.

Но, за неимѣніемъ писанныхъ инструкцій, не проявились ли въ дѣйствіяхъ мирныя намѣренія Германіи?

Такъ какъ Австрія рѣшительно отвергла непосредственные переговоры съ Россіей, то оставалось только одно средство достичь цѣли: слѣдовало вернуться къ англійскому проекту, и четыре незаинтересованныхъ державы должны были одновременно взять на себя посредничество, въ видѣ ли конференціи или какимъ-либо другимъ способомъ. Обстоятельства, казалось, были благопріятны. Теперь, когда Австрія какъ бы получила первое удовлетвореніе бомбардировкой Бѣлграда, быть можетъ, она меньше станетъ противиться мысли передать свою тяжбу Европѣ. Съ другой стороны, новыя уступки, на которыя, по ея словамъ, была готова Сербія (см. стр. 40), могли сдѣлать соглашеніе болѣе легкимъ[1]). Также и г. Сазоновъ настойчиво просилъ возобновить англійское предложеніе [2]).

Сэръ Эд. Грей говоритъ поэтому о немъ снова съ княземъ Лихновскимъ; но тотъ, какъ и раньше, отвѣчаетъ на него тѣмъ же отказомъ и оправды-

---

[1]) „Бр. Пер." № 90.
[2]) „О. К." № 48.

ваетъ его тѣми же основаніями. Ему кажется недопустимымъ появленіе Австріи передъ европейскимъ трибуналомъ. Но сэръ Эд. Грей настаиваетъ. Германія приняла принципъ посредничества. Итакъ, если слова „конференція“ и „арбитражъ“ пугаютъ ее, она должна высказать, въ какой формѣ считаетъ она возможнымъ это посредничество, которое сама же она признаетъ необходимымъ. Какую бы формулу ни предложила она, ее примутъ съ благодарностью, разъ она позволитъ сохранить миръ [1]). Такимъ образомъ Германія была вынуждена отказаться отъ расплывчивыхъ общихъ мѣстъ, за которыя она держалась до той поры и сдѣлать, наконецъ, твердое предложеніе. Можно будетъ убѣдиться, является ли посредничество, о которомъ она говорила, только словами или, напротивъ, за этими словами скрыта конкретная реальность. Она, какъ говорилъ г. Ж. Камбонъ, была прижата къ стѣнѣ [2]).

Безъ сомнѣнія, она сочла вопросъ затруднительнымъ, такъ какъ 30/17 іюля она еще не дала отвѣта; и. однако, моментъ былъ таковъ, что часы и даже минуты были драгоцѣнны [3]). Когда г. Камбонъ спросилъ г. фонъ-Ягова объ этомъ замедленіи, то послѣдній извинился, ссылаясь на то, что онъ хотѣлъ выиграть время: онъ рѣшилъ дѣйствовать непосредственно и „просилъ Австрію сообщить, на какой почвѣ можно разговаривать съ

[1]) „Ж. К.“ № 98; „Бр. Пер.“ № 84.
[2]) „Ж. К.“ № 81.
[3]) „Ж. К.“ № 108.

ней“ [1]). Онъ даже хвасталъ тѣмъ, что настаивалъ передъ ней о томъ, чтобы она заявила публично, что, открывая враждебныя дѣйствія, она не преслѣдуетъ иной цѣли, кромѣ обезпеченія гарантій, необходимыхъ для ея существованія [2]). Но если бы даже Австрія согласилась сдѣлать эту декларацію, ходъ переговоровъ отъ этого не облегчился бы, ибо австро-венгерское правительство уже много разъ утверждало, что оно требуетъ только необходимыхъ гарантій. Къ несчастію, было все-таки неизвѣстно, что разумѣетъ она подъ ними. Въ общемъ, принявъ этотъ способъ дѣйствій, Германія избѣгала стѣснительнаго вопроса, поставленнаго ей; вмѣсто того, чтобы отвѣтить на него, она уклонялась объяснить, какъ понимаетъ она это воздѣйствіе державъ, которое она допускала въ принципѣ, но на дѣлѣ отстраняла всѣми практическими пріемами. Было потеряно время и не сдѣлано ни одного шага впередъ.

У Германіи, однако, было очень простое средство работать для мира: это—надавить на вѣнскій кабинетъ, чтобы заставить его требовать только допустимыхъ гарантій. Россія ограничивалась требованіемъ, чтобы Австрія соблюдала, кромѣ территоріальной неприкосновенности Сербіи, ея суверенныя права. Дѣйствительно, было важно, чтобы Сербія не очутилась бы въ политической зависимости отъ Австріи. Пусть были бы даны завѣренія по этому пункту, и миръ былъ бы внѣ

---

[1]) „Ж. К.“ № 109.
[2]) „Бр. Пер.“ № 75.

сомнѣній. Но когда г. Сазоновъ попросилъ германское правительство помочь ему добиться ихъ, онъ получилъ отказъ. Г. фонъ-Пурталесъ, съ которымъ онъ разговаривалъ объ этомъ 29/16 іюля, ограничился отвѣтомъ ему, что онъ передастъ его предложеніе въ Берлинъ, но что онъ ничего большаго сдѣлать не можетъ. Онъ даже добавилъ, что подобнымъ предложеніемъ отъ Германіи требуютъ „сдѣлать по отношенію къ Австріи то, въ чемъ упрекали Австрію, что она хочетъ сдѣлать по отношенію къ Сербіи: желаютъ покуситься на ея суверенныя права. Заявляя, что у нея нѣтъ никакихъ намѣреній на территоріальныя пріобрѣтенія, Австрія обязалась считаться съ русскими интересами: большая уступка со стороны государства, ввязавшагося въ войну! Поэтому нужно было бы позволить ей одной урегулировать свои дѣла съ Сербіей. Когда соберется конференція мира, всегда найдется время вернуться къ вопросу о томъ, должны ли быть пощажены и, если должны, то въ какомъ объемѣ, суверенныя права Сербіи“ [1]).

---

[1]) „Б. К.“ стр. 13.—Однако, въ „Предисловіи“ къ „Бѣлой Книгѣ“ читаемъ: „По нашему внушенію, посолъ Австро-Венгріи получилъ 29/16 іюля инструкціи для переговоровъ съ г. Сазоновымъ. Графъ Сапари былъ уполномоченъ объяснить русскому министру ноту, адресованную Сербіи, и принять всѣ совѣты Россіи, равно какъ обсудить съ г. Сазоновымъ всѣ вопросы, касающіеся австро-русскихъ отношеній „(стр. 15)“. Мы видѣли, какимъ языкомъ говорилъ германскій посолъ съ г. Сазоновымъ какъ разъ 29/16 іюля: тамъ нѣтъ и слѣда примирительныхъ тенденцій, которыя въ тотъ самый моментъ берлинское правительство якобы внушало вѣнскому кабинету. Кромѣ

Дѣйствительная политика Германіи совершенно не согласовалась съ ея заявленіями: выражая живое желаніе оберечь миръ, она отвергала всѣ средства, предложенныя для достиженія этой цѣли, и не выставляла никакихъ другихъ. Принципы, которыми руководилось германское правительство, объясняютъ эту двойственность. Дѣйствительно, по ея мнѣнію, Россія не имѣла основаній для вмѣшательства и должна была отстраниться отъ Сербіи: съ того момента, какъ Австрія обѣщала уважать цѣлость сербской территоріи, отъ нея нечего было больше требовать. А этого-то Россія и не могла допустить. Такимъ образомъ, миръ, для котораго Германія, по ея словамъ, такъ желала работать, былъ подчиненъ условію, дѣлавшему войну неизбѣжной. Посредничество, предлагаемое ею, было отрицаніемъ посредничества; ибо роль посредника не заключается въ отвлеченіи отъ интересовъ и требованій одной изъ тяжущихся сторонъ. Она говорила о смягченіи конфликта, но забывала о затрудненіяхъ, бывшихъ причиной его. Оно произносила слово с о г л а ш е н і е, но подъ нимъ разумѣла простое и полное подчиненіе одного изъ двухъ противниковъ. Нигдѣ это противорѣчіе не проявляется съ такой очевидностью, какъ въ двухъ телеграммахъ, посланныхъ германскимъ императоромъ Русскому Императору. Вер-

---

того, 29/16 іюля графъ Берхтольдъ отказался вести какіе бы то ни было непосредственные переговоры съ Россіей. Мы видимъ, какъ уважаетъ „Бѣлая Книга“ истину. Кромѣ того, она, разумѣется, не приводитъ никакого документа въ подтвержденіе своего утвержденія.

нувшись 26/13 іюля изъ плаванія, Вильгельмъ II телеграфировалъ 28/15 іюля, что онъ собирается воздѣйствовать на Вѣну; но въ то же время онъ горячо заявлялъ, что требованія Австріи вполнѣ справедливы; а когда Царь въ своемъ отвѣтѣ опровергалъ это заявленіе, Вильгельмъ II телеграфировалъ снова, подтверждая его; онъ властно добавлялъ, что въ австро-сербской войнѣ Россія должна ограничиться ролью зрителя и что, кромѣ того, ей легко сдѣлать это [1]).

Въ концѣ концовъ, прекрасно показываетъ, каковы были дѣйствительныя намѣренія Германіи, то, что въ тѣ самые дни, когда велись эти переговоры, она подготовляла актъ, который немедленно вызвалъ бы войну, если бы былъ доведенъ до конца.

Первый германскій ультиматумъ Россіи.

Какъ только открылся кризисъ, русское правительство должно было позаботиться о военныхъ мѣрахъ, которыя могли оказаться необходимыми. 25-12 іюля въ Совѣтѣ Министровъ подъ предсѣдательствомъ Царя разсматривался вопросъ о мобилизаціи тринадцати армейскихъ корпусовъ, въ предположеніи, что имъ придется дѣйствовать противъ Австріи. Во всякомъ случаѣ, она должна была произойти только въ томъ случаѣ, если Австрія обратитъ оружіе противъ Сербіи и послѣ соотвѣтст-

---

[1]) „Б. К." №№ 20 и 22.

веннаго мнѣнія Министра Иностранныхъ Дѣлъ [1]). 29-16 іюля рѣшили, что моментъ насталъ. Война противъ Сербіи началась наканунѣ; болѣе того, Австрія отказывалась отъ всякаго посредничества и отъ переговоровъ; наконецъ, она уже мобилизовала восемь армейскихъ корпусовъ и даже начала сосредотачивать свои войска на русской границѣ въ Галиціи[2]). Поэтому было рѣшено произвести мобилизацію четырехъ военныхъ округовъ.

Это рѣшеніе было офиціально сообщено германскому правительству въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ: его увѣряли, что Россія не имѣетъ никакихъ агрессивныхъ плановъ противъ Германіи [3]). Даже сама Австрія была предупреждена, что мобилизацію не слѣдуетъ истолковывать, какъ враждебный актъ, но только, „какъ средство указать намѣренія и права Царя высказать мнѣніе при регулировкѣ сербскаго вопроса". Австрійское правительство также не выразило недовѣрія: 30/17 іюля даже происходилъ разговоръ между графомъ Берхтольдомъ и г. Шебеко, русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, имѣвшій самый мирный характеръ [4]). Намъ еще придется говорить о немъ.

Но Германія, хотя ей и не угрожали, совершенно иначе отнеслась къ дѣлу. Въ тотъ же день 29/16 іюля графъ Пурталесъ сдѣлалъ заявленіе г. Сазонову, что если Россія не остановитъ своихъ военныхъ приготовленій, то герман-

---

[1]) „Ж. К." № 50.
[2]) „Ж. К." №№ 95, 97, 101.
[3]) „Бр. Пер." № 70.
[4]) „Ж. К." № 104.

ская армія получитъ приказъ мобилизоваться; а событія намъ покажутъ, что для Германіи мобилизація означаетъ войну [1]). Кромѣ того, говоритъ г. Сазоновъ, это заявленіе было сдѣлано въ такомъ тонѣ, что „Русское правительство въ эту же ночь (29—30/16—17 іюля) рѣшило объявить мобилизацію тринадцати армейскихъ корпусовъ, назначенныхъ оперировать противъ Австріи“ [2]).

Такимъ образомъ, германское правительство не боялось подвергнуть Европу войнѣ изъ-за мѣропріятія, которое не касалось его, которое было направлено только противъ Австріи и которое, къ тому же, было встрѣчено Австріей безъ протеста.

И угроза была очень близка къ выполненію. Вечеромъ 29/16 іюля въ Потсдамѣ происходило экстренное засѣданіе Совѣта подъ предсѣдательствомъ Императора. Туда были приглашены и военные чины. Были приняты рѣшенія, которыя не были обнародованы, но которыя, конечно, не были благопріятны миру; ибо еще ночью канцлеръ спѣшно пригласилъ англійскаго посла сэра Эд. Гошена, и выразивъ ему опасеніе, что европейскій пожаръ станетъ неизбѣжнымъ, предложилъ ему „очень хорошую цѣну, чтобы обезпечить нейтралитетъ Англіи“. Если, сказалъ онъ, Англія согла-

---

1) См. „Б. К.“ стр. 10 „Предисл.“.

2) „Ж. К.“ № 100. Однако, когда г. Вивіани высказалъ ему желаніе, чтобы не было принято никакихъ рѣшеній, которыя могли бы дать Германіи предлогъ для общей мобилизаціи, г. Сазоновъ извѣстилъ его 30/17 іюля, что въ ту же ночь генеральный штабъ приказалъ отложить тѣ военныя мѣропріятія, которыя могли повести къ недоразумѣнію. („Ж. К.“ № 102).

сится остаться въ сторонѣ, то императорское правительство готово дать какія угодно гарантіи того, что въ случаѣ побѣды оно не будетъ добиваться никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ континентальной Франціи: онъ все же отказался дать тѣ же обязательства относительно французскихъ колоній. Въ то же время онъ обѣщалъ, что Германія будетъ уважать нейтралитетъ Голландіи, если его будутъ уважать другіе противники. Что касается Бельгіи, то „германскія операціи, которыя могутъ понадобиться тамъ, будутъ зависѣть отъ образа дѣйствій Франціи"; во всякомъ случаѣ, если Бельгія не выступитъ противъ Германіи, она будетъ эвакуирована послѣ войны. Наконецъ, онъ закончилъ напоминаніемъ, что, съ момента своего появленія у власти, онъ всегда ставилъ себѣ цѣлью достичь соглашенія съ Англіей. „Онъ надѣялся, что эти гарантіи могутъ стать базисомъ того соглашенія, котораго онъ такъ горячо желалъ. Онъ думалъ объ общемъ соглашеніи относительно нейтралитета между Германіей и Англіей,... и обѣщаніе Англіей нейтралитета въ конфликтѣ позволило бы ему смутно предвидѣть средства осуществленія своего желанія" [1]).

Тотъ фактъ, что этотъ разговоръ произошелъ спѣшно, немедленно послѣ засѣданія въ Потсдамѣ, доказываетъ, что онъ былъ вызванъ рѣшеніями, принятыми на этомъ засѣданіи и что вопросъ, о которомъ канцлеръ говорилъ со своимъ собесѣд-

---

[1]) „Бр. Пер." № 85.

никомъ, разсматривался имъ, какъ исключительно спѣшный. Вѣдь этотъ вопросъ предполагалъ, что война объявлена. Значитъ въ Потсдамѣ были приняты рѣшенія, дѣлавшія войну угрожающей. Дѣйствительно 30/17 іюля, около часа пополудни, „Local Anzeiger“ выпустилъ спеціальное изданіе, гдѣ былъ обнародованъ декретъ, предписывающій всеобщую мобилизацію 1).

Однако, часъ спустя г. фонъ-Яговъ телефонировалъ посламъ, опровергая сообщеніе, и правительство приказало конфисковать номера газеты, которая его напечатала. Но „Local Anzeiger“, органъ полу-официальный, не приготовилъ бы спеціальнаго изданія съ сообщеніемъ о такой важной мѣрѣ, если бы она не была принята въ дѣйствительности. И только потомъ рѣшили отмѣнить ее и не предупредили объ этомъ газету. Этотъ поворотъ, кромѣ того, объясняется новымъ выступленіемъ г. фонъ-Пурталеса: въ эту же самую ночь съ 29/16 на 30/17 іюля онъ возвратился къ г. Сазонову, и хотя онъ снова настаивалъ тамъ на томъ, чтобы Россія задержала свои военныя приготовленія, но дѣлалось это гораздо менѣе категорическимъ тономъ, не содержавшимъ болѣе никакихъ угрозъ. Онъ ограничился вопросомъ, на какихъ условіяхъ Россія пріостановитъ свою мобилизацію. Ультиматумъ былъ взятъ обратно 2).

Весьма вѣроятно, что разговоръ, который велъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ г. фонъ-Бетманъ-Гольвегъ съ сэромъ Э. Гошеномъ, сыгралъ

---

1) „О. К.“ № 61.
2) „Ж. К.“ № 103.

значительную роль въ этой перемѣнѣ позицій. Дѣйствительно, англійскій посолъ отвѣтилъ съ величайшей сдержанностью на пылкое обращеніе, адресованное ему, и на сдѣланныя ему предложенія. Онъ ограничился заявленіемъ, что по его мнѣнію, сэръ Эд. Грей не расположенъ связать себя какимъ-либо обязательствомъ, но стремится сохранить за собой свободу дѣйствій [1]). Болѣе того, нѣсколько позже ночью канцлеръ по телеграммѣ изъ Лондона узналъ о разговорѣ, происходившемъ въ тотъ же день между сэромъ Эд. Греемъ и германскимъ посломъ. Сэръ Эд. Грей взялъ на себя иниціативу предупредить князя Лихновскаго, что если возникнетъ война и если въ нее будетъ, вслѣдъ за Германіей и Россіей, вовлечена Франція, онъ никоимъ образомъ не дастъ обязательства „оставаться въ сторонѣ". Кромѣ того, онъ добавилъ, что въ его способѣ выраженій не слѣдуетъ видѣть ничего, могущаго походить на угрозу; на этомъ основаніи онъ отказывается точно опредѣлить условія, при которыхъ Англія могла бы вмѣшаться. Онъ желалъ только сохранить за собой свободу дѣйствій, но онъ не хотѣлъ, чтобы дружескій тонъ его переговоровъ съ княземъ могъ бы заставить думать германское правительство, что Англія, во всякомъ случаѣ, воздержится отъ выступленія. Особенно онъ заботился о томъ, чтобы не могли „когда либо упрекнуть его, что онъ, вовлекши Германію въ ошибку, помѣшалъ событіямъ итти по другому пути" [2]). Этотъ разговоръ, под-

[1]) „Бр. Пер." № 85.
[2]) „Бр. Пер." № 89.

тверждающій предыдущій, былъ еще болѣе значителенъ, и г. фонъ-Бетманъ-Гольвегъ легко понялъ всю его важность 1).

Германія чрезвычайно желала нейтралитета Англіи: 2) лучшимъ доказательствомъ этого является выступленіе канцлера, а другіе мы еще найдемъ. И вотъ единственное основаніе, которымъ она могла въ этотъ моментъ оправдывать всеобщую мобилизацію противъ Россіи, не выдерживало критики, такъ какъ единственная заинтересованная сторона—Австрія—не возражала противъ русскихъ приготовленій. Поэтому слѣдовало опасаться, какъ бы война, объявленная при такихъ условіяхъ, не явилась однимъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ говорилъ сэръ Эд. Грей и которыя вынудили бы его вмѣшаться. Вотъ почему было рѣшено отложить уже постановленныя мѣры и выжидать 3).

Новое мирное предложеніе Россіи, отвергнутое Германіей.

Но этотъ инцидентъ позволилъ г. Сазонову еще разъ проявить искренность своихъ мирныхъ намѣреній.

Во время своего второго посѣщенія министерства иностранныхъ дѣлъ г. фонъ-Пурталесъ еще

---

1) „Бр. Пр." № 98 in fine.

2) „Бр. Пер." №№ 75 и 76.

3) Въ германской „Бѣлой Книгѣ", равно какъ и въ „Предисловіи" нѣтъ и слѣда этого ультиматума и связанныхъ съ нимъ событій.

разъ повторилъ, что Россію должно удовлетворить обѣщаніе, сдѣланное Австріей, не покушаться на цѣлость сербской территоріи. „Мы должны охранять, отвѣтилъ г. Сазоновъ, не только цѣлость сербскаго королевства, но и независимость его, и суверенныя права", затѣмъ онъ добавилъ: „часъ слишкомъ серьезенъ, чтобы я не высказалъ вамъ своей мысли полностью. Дѣлая выступленіе въ Петербургѣ въ то время, какъ она отказывается сдѣлать выступленіе въ Вѣнѣ, Германія стремится только выиграть время, чтобы позволить Австріи раздавить маленькое сербское королевство раньше, чѣмъ ему сможетъ помочь Россія. Но Императоръ Николай II такъ сильно желаетъ не допустить войны, что Его Именемъ я дѣлаю вамъ послѣднее предложеніе: если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ нохарактеръ европейскаго вопроса, заявитъ о готовсти исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россіяобѣщаетъ прекратить свои военныя приготовленія" [1]).

Графъ фонъ-Пурталесъ обѣщалъ передать это предложеніе своему правительству. Но въ тотъ же день г. фонъ-Яговъ, извѣщенный о томъ, объявилъ его непріемлемымъ для Австріи, [2]) даже не посовѣтовавшись съ этой послѣдней.

Вообще въ этотъ періодъ наблюдался явный контрастъ между словами и актами германскаго правительства. Можно также задать себѣ вопросъ,

---

[1]) „Ж. К". № 103; „О. К." № 60.

[2]) „О. К." № 63; „Ж. К." № 107. Въ „Бѣлой Книгѣ" нѣтъ и слѣда этой новой ноты къ соглашенію.

не служили ли ея слова для прикрытія ея дѣйствій и для внушенія мысли, что принятыя или подготовляющіяся въ этотъ моментъ германскія мѣропріятія, были исторгнуты у нея коварствомъ ея противниковъ, противъ ея воли и ея мирныхъ чувствъ, о которыхъ она она такъ громко говорила.

IV. ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ РОССІИ И ФРАНЦІИ

(31/18 іюля—3 августа 21 іюля).

Мы подходимъ къ развязкѣ. Вслѣдствіе взаимныхъ отношеній и недовѣрія, при которыхъ жили всѣ народы Европы, вопросъ о мобилизаціи выдвигается опять съ новой остротой и на этотъ разъ онъ приведетъ къ войнѣ.

Второй германскій ультиматумъ Россіи.

Австрія пока еще мобилизовала только часть своихъ войскъ. Но съ ранняго утра 31/18 іюля была объявлена всеобщая мобилизація: были призваны всѣ мужчины отъ 19 до 42 лѣтъ. [1]) Мѣра была серьезна. Однако, безъ сомнѣнія,графъ Берхтольдъ полагалъ, что онъ можетъ безъ затрудненій прибѣгнуть къ ней: ибо еще наканунѣ между нимъ и г. Шебеко было условлено, что не слѣдуетъ считать враждебными актами военныя приготовленія, которыя могутъ быть сдѣланы той или другой стороной.

При этомъ извѣстіи Россія сочла естественнымъ принять тѣ же мѣры предосторожности. Кромѣ того, она знала, что Германія готовилась къ мобилизаціи уже нѣсколько дней: флотъ плававшій у береговъ Норвегіи, былъ отозванъ въ

---

[1]) „Ж. К." № 115.

Германію; запасные получили приказъ не отлучаться (см. выше, стр. 15); офицеры, бывшіе въ отпускѣ, были возвращены обратно, собственники автомобилей получили предписаніе предоставить свои экипажи на усмотрѣніе военныхъ властей; большія передвиженія войскъ происходили въ сторону финскаго залива и т. д.—при этихъ условіяхъ и принимая особенно во вниманіе крайнюю медленность, съ которой совершается русская мобилизація, представлялось невѣроятнымъ ждать дольше: около полудня 31/18 іюля была объявлена общая мобилизація арміи и флота [1]).

---

[1]) „Бр. Пер.“ №113: „Ж. К.“ № 118.— Этотъ основной фактъ, что общая австрійская мобилизація предшествовала общей русской мобилизаціи, нигдѣ не отмѣченъ въ „Бѣлой книгѣ“. Однако, онъ безусловенъ. Онъ подтверждается не только ясной телеграммой г. Палеолога, но и рапортомъ представленнымъ сэромъ М. де-Бунзеномъ своему правительству по возвращеніи въ Англію („Бр. Пер.“ № 161). Правда, имѣется телеграмма того же посла, относящая къ 1 августа—19 іюля общую мобилизацію арміи и флота („Бр. Пер.“ № 127). Но ее слѣдуетъ понимать такъ, что 1 августа—19 іюля было первымъ днемъ мобилизаціи; объявленіе же декрета о ней произошло наканунѣ

Германская пресса очень носилась съ письмомъ, написаннымъ бельгійскимъ агентомъ, г. де Л'Эскай (Escailles), которое было перехвачено германскимъ чернымъ кабинетомъ. Г. де Л' Эскай высказывалъ въ немъ чувства, довольно благопріятныя Германіи, и говорилъ, что она сдѣлала все возможное для предупрежденія войны. Одинъ фактъ показываетъ, какого довѣрія заслуживаютъ источники, гдѣ г. де Л'Эскай почерпалъ свѣдѣнія: въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 30/17 іюля, говорится. что декретъ объ общей мобилизаціи былъ опубликованъ въ 4 ч утра 30/17 іюля, что, конечно, не точно. Однако, дата публикаціи подобнаго характера является фактомъ, который легко установить.

Австрія встрѣтила это извѣстіе безъ протеста: это былъ какъ разъ моментъ, когда, какъ мы увидимъ, отношенія между обѣими странами стали лучше и продолжали еще улучшаться. Но возмущеніе въ Берлинѣ было очень велико и выразилось немедленно въ дѣйствіяхъ. Уже въ 2 ч. пополудни Императоръ Вильгельмъ отправилъ Царю телеграмму въ очень угрожающемъ тонѣ. Въ ней онъ не говорилъ еще о русской мобилизаціи, но жаловался только на военныя приготовленія, произведенныя противъ него на его восточной границѣ. Онъ сообщалъ, что онъ будетъ вынужденъ прибѣгнуть „къ тѣмъ же предосторожностямъ обороны", и не говоря еще о томъ, что благодаря этому неизбѣжно возникнетъ война, онъ давалъ понять, что она неизбѣжна, если Россія будетъ продолжать вооружаться; онъ заранѣе слагалъ съ себя отвѣтственность за нее и цѣликомъ переносилъ ее на Императора Николая II[1]). Тотчасъ было объявлено состояніе военной опасности (Kriegsgefahrzustand); можетъ быть, даже это объявленіе предшествовало телеграммѣ: эта мѣра влечетъ за собою перерывъ сношеній Германіи съ другими странами и позволяетъ правительству немедленно приступить къ настоящей мобилизаціи. Наконецъ, въ полночь, когда тѣмъ временемъ въ Берлинѣ узнали о русской мобилизаціи, графъ фонъ-Пурталесъ потребовалъ отъ г. Сазонова остановить черезъ двѣнадцать часовъ всѣ военныя приготовленія, „какъ противъ Германіи, такъ и

---

[1]) „Б. К.", Предисл., стр. 19.

противъ Австріи", иначе Германія будетъ мобилизоваться [1]). Это былъ ультиматумъ въ наиболѣе оскорбительной для великой страны формѣ, такъ какъ отъ Россіи требовали отвѣта въ опредѣленный срокъ. Болѣе того, требовали, чтобы она прекратила мобилизацію не только противъ Германіи, т. е. на границахъ Восточной Пруссіи, но и на югѣ противъ Австріи, которая, однако, мобилизовала всѣ свои силы. Германское правительство даже не подумало, что во всякомъ случаѣ было бы вполнѣ справедливо обратиться съ тѣмъ же требованіемъ къ вѣнскому правительству. Другими словами, требовали, чтобы Россія оказалась по отношенію къ Австріи въ явно слабѣйшемъ положеніи, чего не требовала сама Австрія. Когда сэръ Э. Гошенъ выразилъ удивленіе г. фонъ-Ягову, что такимъ способомъ ультиматумъ былъ сдѣланъ непріемлемымъ для Россіи, тотъ отвѣтилъ, что „это было сдѣлано съ цѣлью воспрепятствовать Россіи сказать, что вся ея мобилизцаія была направлена исключительно противъ Австріи" [2]).

Слѣдуя выраженію г. фонъ-Пурталеса, если это не была еще война, то къ ней были чрезвычайно близки.

Новая формула соглашенія, принятая Австріей и отвергнутая Германіей.

И, однако, въ этотъ самый моментъ переговоры продолжались помимо Германіи и приняли

[1]) „Б. К." № 25.
[2]) „Бр. Пер." № 121.

благопріятный оборотъ, какого до той поры они не имѣли. Если бы не было германскихъ угрозъ, можно было бы повѣрить, что миръ совсѣмъ близокъ.

Мы видѣли (см. выше стр. 58), что 30/17 іюля, послѣ частичной мобилизаціи русской арміи, произошелъ въ Вѣнѣ разговоръ очень примирительнаго характера между графомъ Берхтольдомъ и г. Шебеко. Но мы не привели еще наиболѣе важныхъ предложеній, которыми они обмѣнялись во время этого разговора. Они не ограничились взаимными увѣреніями въ миролюбіи; они коснулись самой сущности тяжбы; говорили объ австросербскомъ конфликтѣ и о средствахъ урегулировать его. Было рѣшено офиціально возобновить переговоры, начатые частнымъ образомъ г. Сазоновымъ и г. Сапари и прерванные графомъ Берхтольдомъ 28/15 іюля, когда онъ отказалъ своему послу въ полномочіяхъ, необходимыхъ для продолженія ихъ (см. выше, стр. 39): этотъ отказъ говорилъ австрійскій министръ, былъ обязанъ недоразумѣнію, но г. Сапари немедленно будетъ „уполномоченъ обсудить, какой выходъ окажется совмѣстимымъ съ достоинствомъ и престижемъ, въ чемъ одинаково озабочены обѣ Имперіи“. Никогда еще такая важная уступка не была сдѣлана Австріей. Кромѣ того, русскій посолъ со своей стороны увѣрялъ, „что его правительство гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ, считается съ требованіями австро-венгерской монархіи“ [1]).

---

[1]) „Ж. К.“ № 104.

Какъ разъ въ этотъ моментъ Германія жалуется разнымъ державамъ, что ея усилія, которыя, какъ говоритъ она, направлены въ Вѣнѣ на проповѣдь мира и умѣренности, затруднены и парализованы русской мобилизаціей противъ Австріи 1). Но, совершенно напротивъ, никогда еще Австрія не выказывала себя столь уступчивой и столь расположенной къ переговорамъ. Трудно понять, что могло побудить германское правительство говорить такія вещи, которымъ явно противорѣчатъ извѣстные теперь факты. Истина заключается въ томъ, что русская мобилизація знаменуетъ собой критическій моментъ, начиная съ котораго проявляется контрастъ между позиціями Германіи и Австріи, который становится еще опредѣленнѣе въ дальнѣйшемъ. Чѣмъ воинственнѣе станетъ первая, тѣмъ больше будетъ склоняться къ миру вторая.

Между прочимъ, выработанная Англіей и Россіей новая формула облегчала Австріи этотъ поворотъ. 29/16 іюля сэръ Эд. Грей, бесѣдуя съ германскимъ посломъ, высказалъ мысль, что, быть можетъ, имѣется средство сдѣлать болѣе легко пріемлемымъ принципъ медіаціи: какъ только Австрія займетъ часть сербской территоріи, она могла бы заявить, „что она не двинется больше впередъ, пока державы не приложатъ стараній для посредничества между нею и Россіей“ 1). На

---

1) „Бр. Пер.“ №№ 98, 103, 108; „Б. К.“ Телеграмма Кайзера пред. стр. 18.

2) „Бр. Пер.“ № 88. — Германское правительство увѣряло, сэра Эд. Грея, что оно передало это предложеніе въ Вѣну и

слѣдующій день, 30/17 іюля, сэръ Эд. Грей получилъ сообщеніе о формулѣ, которую наканунѣ г. Сазоновъ передалъ черезъ г. фонъ-Пурталеса на усмотрѣніе Германіи и которую германское правительство отвергло (см. выше, стр. 56). Сэръ Эд. Грей нашелъ, что имѣется нѣкоторая связь между этимъ предложеніемъ и его формулой и что, при нѣкоторомъ желаніи, формула г. Сазонова могла бы быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы согласоваться съ той, идея которой явилась у него 1). Г. Сазоновъ уступилъ этому желанію и предложилъ слѣдующую редакцію: „Если Австрія согласится остановить движеніе своихъ войскъ на сербской территоріи и если, признавая, что Австро-Сербскій конфликтъ принялъ характеръ Европейскаго вопроса, она допуститъ, чтобы великія державы разсмотрѣли вопросъ о томъ удовлетвореніи, которое Сербія могла бы дать Австро-Венгерскому правительству безъ нанесенія ущерба своимъ правамъ суверенаго государства и своей независимости,—Россія принимаетъ на себя обязательство сохранить свое выжидательное положеніе“ 2). Предлагая эту формулу, г. Сазоновъ приносилъ новую тяжелую жертву дѣлу мира; ибо, допустивъ фактъ вторженія въ Сербію

поддержало его тамъ. („Бр. Пер.„ №№ 88 и 103). Мы, однако, увидимъ, что когда г. Сазоновъ принялъ его въ едва измѣненномъ видѣ, Германія не пожелала слышать разговоровъ о немъ Во всякомъ случаѣ, въ „Бѣлой Книгѣ“ нѣтъ ни одного документа, гдѣ шла бы рѣчь о воздѣйствіи на вѣнское правительство въ этомъ отношеніи.

1) „Бр. Пер.“ № 103.

2) „О. К.“ № 67.

австрійскихъ войскъ, онъ какъ будто теоретически санкціонировалъ его.

Англія и Франція приняли безъ колебаній это новое предложеніе. Если бы со своей стороны Австрія примкнула къ нему, то ультиматумъ, посланный Россіи, оказался бы безъ почвы. Германія получала удовлетвореніе, ибо русская мобилизація должна была пріостановиться сама собой, какъ только Австрія соглашалась на уступки, которые ее просили сдѣлать. Австрія немедленно согласилась на нихъ и предупредила о томъ Германію [1]). Она принимала принципъ медіаціи; она соглашалась даже обсудить „по существу ультиматумъ", посланный 23/10 іюля Сербіи [2]). Въ то же время она усиливала мирныя демонстраціи. Въ Вѣнѣ графъ Берхтольдъ пригласилъ русскаго посла и „умолялъ его сдѣлать все возможное, чтобы разсѣять совершенно ложное впечатлѣніе, господствующее въ С-Петербургѣ": неправильно, говорилъ онъ, обвиняли тамъ Австро-Венгрію въ томъ, что „она рѣзко закрыла дверь для переговоровъ". Въ Парижѣ и въ Лондонѣ онъ оповѣщалъ, что австро-венгерское правительство „не имѣло никакого намѣренія нанести ущербъ суверенными правамъ Сербіи или добиться увеличенія своей территоріи" [3]). Большаго Россія никогда не требовала. Такимъ образомъ, г. фонъ-Шенъ, извѣщенный объ этихъ переговорахъ и объ ихъ результатахъ, о чемъ не сообщало ему его прави-

[1]) „Бр. Пер." № 135.
[2]) „Бр. Пер." № 137; „О. К." № 73.
[3]) „Бр. Пер." № 137; „О. К." № 73.

тельство, не могъ не признать утромъ 1 августа/19 іюля, что тутъ имѣется „лучъ надежды“ [1]).

Конечно, если онъ, вопреки всему, выражался съ такой сдержанностью, это происходило потому, что ему не казалось слишкомъ хорошимъ предзнаменованіемъ молчаніе, хранимое его правительствомъ объ этихъ важныхъ переговорахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Германія отвергла эту формулу, которую всѣ остальныя государства находили справедливой и которую поспѣшили принять стороны, наиболѣе непосредственно вовлеченныя въ конфликтъ. Напрасно 1 августа/19 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ старался выяснить г. фонъ-Ягову всю странность положенія: основное разногласіе было между Австріей и Россіей; Германія вмѣшивалась только, какъ союзница Австріи; поэтому, если оба заинтересованныхъ государства были согласны договориться, что и было на дѣлѣ, являлось бы нелогичнымъ для Германіи противодѣйствовать мирному разрѣшенію конфликта, „если въ свою очередь она не желаетъ войны“ [1]). Г. фонъ-Яговъ ничего не хотѣлъ слышать. „Безъ сомнѣнія, говорилъ онъ, „если бы Россія не мобилизовалась противъ Германіи, все могло бы уладиться“. Теперь слишкомъ поздно. Германское правительство видитъ только одно: Россіи было предъявлено требованіе; необходимо, чтобы она подчинилась ему. Что касается столь важныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Австріей, то Германія съ нимъ не считается, такъ какъ, по словамъ г. фонъ-Ягова, они

[1]) „Ж. К.“ № 125.
[1]) „Бр, Пер.“ № 138.

обязаны германскому вліянію. Какъ жалко, что не были опубликованы тѣ депеши, въ которыхъ должны были находиться совѣты благоразумія, преподанныя, по словамъ Германіи, Вѣнѣ! Но какъ странно въ особенности то, что Германія совѣтовала Вѣнѣ такую умѣренность въ промежутокъ времени между 29/16 и 31/18 іюля, т. е. именно въ тотъ моментъ, когда она сама становилась въ чисто воинственную позицію! Кромѣ того, чему бы мы ни были обязаны благоразуміемъ Австріи, развѣ заботы объ общихъ интересахъ Европы и цивилизаціи не предписывали немедленно закрѣпить его и воспользоваться имъ для дѣла мира, и это было тѣмъ болѣе необходимо, что германское правительство въ то же самое время достигало всего, чего желало, именно прекращенія русской мобилизаціи?[1]).

Но въ тотъ моментъ, когда происходитъ этотъ разговоръ, былъ уже отданъ приказъ о германской мобилизаціи (1 августа/19 іюля).

Объявленіе войны Россіи.

Теперь нѣтъ больше вопроса ни о Сербіи, ни о сараевскомъ преступленіи, ни объ Австріи и ея ультиматумѣ. Германія и Россія остаются однѣ лицомъ къ лицу.

Срокъ ультиматума истекалъ въ полдень 1 ав-

[1]) О русскомъ предложеніи, видоизмѣненномъ Англіей, равно какъ и объ уступкахъ Австріи, не упомянуто въ „Бѣлой Книгѣ".

густа/19 іюля. Естественно, что Россія сочла ниже своего достоинства отвѣчать въ предѣлахъ назначеннаго ей срока на столь высокомѣрный приказъ. Однако Императоръ Николай II не желалъ позволить объявить войну, не сдѣлавъ еще новаго послѣдняго усилія для мира. Едва истекъ назначенный срокъ, какъ Онъ отправилъ въ 2 часа дня 1 августа/19 іюля, слѣдующую телеграмму Императору Вильгельму: „Я понимаю, что вы вынуждены были мобилизоваться, но Я долженъ имѣть отъ васъ такую же гарантію, какую Я вамъ далъ[1]), а именно, что эти мѣропріятія еще не обозначаютъ войны и что Мы будемъ продолжать Наши труды для избѣжанія войны между Нашими странами и для всеобщаго мира, который такъ дорогъ Нашимъ сердцамъ. Наша долгая и испытанная дружба должна съ Божьей помощью, помочь Намъ избѣгнуть этого кровопролитія. Я съ вѣрою ожидаю вашего отвѣта“ [2]). Это было ясное указаніе на готовность принять всякій проектъ соглашенія. Но въ тотъ же день Вильгельмъ высокомѣрно отвергъ это предложеніе. „Безотлагательный, ясный и недвусмысленный отвѣтъ вашего правительства, —телеграфировалъ онъ,—единственное средство предотвратить неизмѣримое бѣдствіе. До тѣхъ поръ, пока я получу отвѣтъ, къ моему глубокому сожалѣнію, представляется не возможнымъ коснуться предмета, затронутаго въ Вашей телеграммѣ“. Окончательный отказъ былъ грубъ.

---

[3]) Эта гарантія была дана Царемъ въ телеграммѣ отъ 31/18 іюля.

[4]) „Б. К.“, Пред. стр. 21.

Въ 7 ч. 10 м. того же вечера Германія официально объявила войну Россіи. Въ нотѣ, врученной по этому поводу г. фонъ-Пурталесомъ г. Сазонову, единственнымъ пунктомъ обвиненія являлось указаніе на отказъ дать отвѣтъ на германскій ультиматумъ [1]). Интересно отмѣтить, что г. фонъ-Яговъ, сообщая на слѣдующій день это извѣстіе сэру Э. Гошену, счелъ нужнымъ оправдать его иначе [2]). Русскія войска якобы перешли границу; слѣдовательно, это якобы Россія фактически начала войну. Разумѣется, это обвиненіе, не подтвержденное никакими доказательствами, совершенно отсутсвующее въ официальной нотѣ, врученной г. Сазонову, было ложно во всѣхъ отношеніяхъ. Однако, австрійское правительство также повторило его, когда, пять дней спустя, оно, наконецъ, рѣшилось послѣдовать примѣру своей союзницы и объявило войну Россіи [3]). Оно тоже заявляло, что Россія начала враждебныя дѣйствія. Самое разнорѣчіе въ выставленныхъ предлогахъ къ войнѣ достаточно доказываетъ, что рѣшающій поводъ къ ней лежалъ въ иной плоскости.

Можно задать себѣ вопросъ, какимъ образомъ германское правительство, отложившее 29-16 іюля свой проектъ ультиматума изъ страха передъ англійскимъ вмѣшательствомъ, смогло превозмочь этотъ страхъ, три дня спустя. И, однако, это происходило не потому, что Англія измѣнила свою позицію. Напротивъ, 30-17 іюля сэръ Эд. Грей

---

[1]) „О. К.“ № 76.
[2]) „Бр. Пер.“ № 144.
[3]) „О. К“ № 79.

телеграфировалъ сэру Э. Гошену, подтверждая ему, что торгъ, предложенный наканунѣ канцлеромъ въ обмѣнъ за британскій нейтралитетъ, „не можетъ быть принятъ ни на одно мгновеніе. Для насъ, говорилъ онъ, было бы позоромъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи, позоромъ, отъ котораго доброе имя нашей страны никогда не очистилось бы“ [1]). Когда 1 августа—19 іюля князь Лихновскій снова старался получить формальныя обязательства въ сохраненіи нейтралитета, давая понять, „что Германія могла бы гарантировать цѣлость Франціи и ея колоній“, сэръ Эд. Грей не далъ себя увлечь этой надбавкой и остался при своемъ рѣшеніи не давать никакихъ обязательствъ [2]).

Его слова только не были усвоены буквально. Не думали, что англійское правительство признаетъ за собой обязательства, хотя бы только моральныя, по отношенію къ Франціи, но, безъ сомнѣнія, полагали, что оно лишь желаетъ сохранить за собой свободу дѣйствій, чтобы поступить сообразно обстоятельствамъ. А такъ какъ сэръ Эд. Грей постоянно повторялъ, что его позиція зависитъ прежде всего отъ общественнаго мнѣнія, постарались считаться съ этимъ послѣднимъ. Его могло бы взволновать грубое беззаконіе, нападеніе безъ видимыхъ основаній. А объявленіе войны, предположенное на 29-16 іюля, имѣло бы, очевидно, этотъ характеръ. Объявить войну Россіи, потому что она мобилизовалась

[1]) „Бр. Пер.“ № 101.
[2]) „Бр, Пер.“ № 123.

противъ Австріи, въ то время какъ Австрія не протестовала противъ этого, значило признаться, что желала войны ради ея самой. Разрывая при этихъ условіяхъ, играли бы въ опасную игру. Напротивъ, общая мобилизація Россіи, которую можно было, при нѣкоторой ловкости, представить направленной явно противъ Германіи, была болѣе убѣдительнымъ по внѣшности поводомъ, менѣе рисковавшимъ возмутить мирныя чувства Англіи. Поэтому предпочли подождать. Такое терпѣніе было тѣмъ легче, что уже съ 30-17 іюля[1]) было легко предвидѣть ходъ событій, какъ бы мало ни помогали имъ. Угрожающая общая мобилизація Австріи, о которой г. фонъ-Чирскій, весьма вѣроятно, зналъ и которую онъ не отсовѣтовалъ вѣнскому кабинету, необходимо должна была вынудить Россію на аналогичную мѣру. Такимъ образомъ, представлялся совсѣмъ въ близкомъ будущемъ лучшій поводъ для войны.

Объявленіе войны Франціи.

Что станетъ дѣлать Франція?

Никто не сомнѣвался въ томъ, что она выполнитъ свои обязательства по отношенію къ своей союзницѣ. Но для того, чтобы яснѣе показать всему міру рѣшительное желаніе Германіи воевать съ Франціей, французское правительство устранило все, что могло походить на какой-либо актъ враждебности. Г. Вивіани, извѣщая нашихъ

---

1) Съ 30-17 іюля г. фонъ-Яговъ заявлялъ, что Австрія рѣшила произвести общую мобилизацію. („Ж. К.“ № 100).

пословъ о декретѣ о французской мобилизаціи, озаботился предупредить ихъ, что она является простой мѣрой предосторожности, которая не помѣшаетъ правительству продолжать начатые переговоры [1]). Болѣе того, во избѣжаніе всякихъ инцидентовъ, которые Германія могла бы истолковать въ качествѣ военныхъ дѣйствій, французскія войска получили приказъ оставить, даже послѣ мобилизаціи, зону въ 10 километровъ между собой и границей [2]).

Но Германія-то не могла ждать. Планъ ея генеральнаго штаба состоялъ въ томъ, чтобы немедленно обрушиться на Францію, разгромить ее въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и затѣмъ оборотиться противъ Россіи. Поэтому ей надо было дѣйствовать быстро. Однако, она выжидала больше, чѣмъ могла, надѣясь, безъ сомнѣнія, что Франція приметъ на себя иниціативу разрыва и избавитъ ее отъ непріятности напасть первой. Но 21 іюля—3 августа истекъ срокъ ультиматума, предъявленнаго Бельгіи, готовились открыться враждебныя дѣйствія, невозможно было откладывать дальше: поэтому въ 6 ч. 45 м. вечера г. фонъ-Шенъ явился на quai d'Orsay потребовать свои паспорта и объявить войну.

Было не очень легко мотивировать эту декларацію, не оправдываемую какимъ-либо прямымъ конфликтомъ между обѣими странами. Ограничились предлогомъ, что французскіе авіаторы якобы

---

[1]) „Ж. К." № 127.
[2]) „Ж. К." № 836.

совершили враждебные акты на германской территоріи. Одинъ будто-бы пытался разрушить сооруженіи около Везеля, другіе будто бы были замѣчены въ области Эйфеля, одинъ, наконецъ, якобы бросалъ бомбы на полотно желѣзной дороги около Карлсруэ и Нюренберга. Самый способъ сообщенія этихъ обвиненій достаточно доказываетъ, что они являлись просто жалкими измышленіями. Не приводилось никакого свидѣтельства, не давалось никакихъ точныхъ указаній ни относительно самыхъ мѣстъ, гдѣ произошли эти событія, ни относительно времени и способа совершенія ихъ, ни о характерѣ и степени причиненныхъ поврежденій. Всѣ эти инциденты были представлены такъ, словно они произошли внѣ времени и пространства, что является лучшимъ доказательствомъ того, что ихъ не было [1]).

---

[1]) Мы пожелали убѣдиться въ томъ, не сообщены ли эти факты съ большой точностью въ нѣмецкихъ газетахъ. Мы просмотрѣли пять большихъ газетъ (Vorwaerts, вѣнскую Arbeiterzeitung, Frankfurter Zeitung, Koelnische Zeitung, Münchener Neueste Hachrichten), начиная съ конца іюля (н. с.) по 5 августа (н. с.). Мы сначала установили, что тамъ нѣтъ и рѣчи объ аэропланѣ, летавшемъ надъ Карлсруэ. Въ другихъ случаяхъ неточность такова же, какъ и въ оффиціальной нотѣ. Эти инциденты, явившіеся якобы окончательнымъ поводомъ къ войнѣ, отмѣчаются въ печати одной строчкой, самое большее—двумя или тремя. Ни разу бомбы не оставили слѣдовъ. Одинъ изъ этихъ аэропланов, именно въ Везелѣ, былъ якобы сбитъ; намъ ничего не говорятъ ни объ авіаторѣ, ни о томъ, что съ нимъ сталось, ни о самомъ аэропланѣ. Наконецъ, ихъ отмѣчаютъ только при ихъ прибытіи въ Германію; затѣмъ о нихъ уже не говорятъ. Ихъ не видятъ при ихъ возвращеніи къ себѣ обратно.

Эти измышленія были тѣмъ болѣе смѣлы, что г. Вивіани со 2 августа—20 іюля указываетъ берлинскому правительству на явно враждебныя дѣйствія, совершенныя германскими войсками на французской территоріи. Они перешли границу у Сирэ и близъ Лонгви; они направлялись къ форту, носящему это послѣднее названіе[1]). Въ Деллѣ пограничный постъ дважды былъ обстрѣленъ отрядомъ германскихъ солдатъ. Къ сѣверу отъ этого мѣстечка два германскихъ патруля 5-го полка конныхъ стрѣлковъ проникли до селеній Жоншери и Баронъ, больше чѣмъ за 10 километровъ отъ границы. Офицеръ, командовавшій первымъ патрулемъ, пристрѣлилъ голову французскому солдату. Германскіе кавалеристы увели съ собой лошадей, которыхъ собиралъ мэръ Сюарса и которыхъ жители коммуны вынуждены были сами

Но вотъ, что еще доказательнѣе. Мы смогли достать газету изъ самого Нюренберга, именно „Fränkischer Kurier". 2 августа (н. с.), въ день, когда аэропланъ будто бы сбрасывалъ бомбы, тамъ не сказано ни слова объ этомъ инцидентѣ Только 3 августа (н. с.), Нюренбергъ узналъ эту новость по телеграммѣ изъ Берлина, одинаковой съ напечатанной другими газетами. Наконецъ, „Koelnische Zeitung" въ утреннемъ изданіи 3 августа (н. с.) печатаетъ телеграмму изъ Мюнхена слѣдующаго содержанія: „Баварское военное министерство сомнѣвается въ точности извѣстія, сообщающаго, что авіаторы были замѣчены въ бросаніи бомбъ надъ желѣз.-д. линіями Нюренбергъ—Китцингенъ и Нюренбергъ—Ансбахъ.

Намъ очень много помогли въ этихъ поискахъ нашъ коллега Ж. Адамаръ (J. Hadamard) и г. Эдг. Мило (Edg. Milhaud)' профессоръ женевскаго университета, которымъ мы и приносимъ нашу благодарность.

[1]) „Ж. К." № 136.

отвести[1]). На этотъ разъ, точность заявленій позволяла провѣрить ихъ.[2]). Впрочемъ, въ этотъ самый моментъ Люксембургъ уже подвергся нашествію: правда, г. фонъ-Шенъ отправилъ ноту г. Вивіани, гдѣ говорилось, что это вторженіе, противное международнымъ трактатамъ, является, однако, не нападеніемъ, а просто предохранительной мѣрой![3]).

На основаніи соображеній, которыя мы не станемъ устанавливать, Австро-Венгрія не сочла нужнымъ поступать подобно своей союзницѣ: она не объявила войны Франціи. Отсюда получилось парадоксальное положеніе: австрійскій посолъ оставался нашимъ гостемъ, тогда какъ австрійскія войска были на нашей границѣ. Французское правительство прекратило этотъ парадоксъ 10 августа—28 іюля, отозвавъ г. Дюмена; г. фонъ-Сечень потребовалъ тогда свои паспорта.

Но былъ одинъ членъ Тройственнаго Союза. отказавшійся встать на сторону Германіи: это была Италія. Съ самаго начала она порицала австрійскій ультиматумъ. Во время переговоровъ она поддерживала старанія Тройственнаго Соглашенія въ видахъ мира. И вотъ 1 августа/19 іюля—маркизъ ди-Санъ-Джуліано предупредилъ германскаго посла въ Римѣ, что „т а к ъ к а к ъ н а ч а т а я

[1]) „Ж. К.“ № 139.

[2]) Въ своей рѣчи въ Рейхстагѣ 4 августа—22 іюля канцлеръ заявлялъ, что по свѣдѣніямъ генеральнаго штаба въ дѣйствительности произошло нарушеніе границъ только въ одномъ изъ этихъ случаевъ. Но онъ не говоритъ намъ, когда и гдѣ произошло это.

[3]) „Ж. К.“ № 136.

война... имѣетъ агрессивный характеръ, находясь въ противорѣчіи съ оборонительнымъ характеромъ Тройственнаго Союза, то Италія не можетъ принять участія въ войнѣ“ [1]).

[1]) „Ж. К.“ № 124. Послѣ того, какъ эти строки были написаны, мы узнали изъ недавней рѣчи г. Джіолитти, что уже въ 1913 г. Австрія хотѣла начать войну съ Сербіей, но Италія отказала въ своемъ содѣйствіи этому нападенію. Слѣдовательно сараевское убійство послужило только предлогомъ.

V. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь, когда установлены факты, поставленный нами вопросъ разрѣшенъ. Надо предоставить говорить только фактамъ: они отвѣчаютъ сами на вопросъ: кто хотѣлъ войны.

Очевидно, что не Франція. Даже ея злѣйшіе враги не выставили противъ нея этого обвиненія. Дѣйствительно, она до конца и изо всѣхъ силъ боролась за миръ.

Правда, сказали [1]), что она никогда не забывала Эльзаса — Лотарингіи. Но кто осмѣлится счесть ее преступной за то, что она была вѣрна этому священному воспоминанію? Ее могли бы упрекать въ такомъ естественномъ и законномъ чувствѣ только въ томъ случаѣ, если бы оно выражалось въ агрессивныхъ и опрометчивыхъ актахъ и грозило бы нарушить миръ Европы. Но внѣшняя позиція Франціи всегда отличалась безупречной корректностью. Ее прекрасно видѣли во время прискорбныхъ событій въ Саверне (Цабернѣ).

Также невозможно обвинить и Англію. Это она была во главѣ всѣхъ попытокъ къ соглашенію; это она также вызывала ихъ чаще всего. Привязанность Англіи къ миру была даже такова,

---

[1]) Это—заявленіе германскаго канцлера съ трибуны рейхстага 2 декабря—19 ноября 1914 г.

что сэръ Эд. Грей не поколебался бы считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Франціи и Россіи, если бы война разразилась по винѣ этихъ двухъ странъ. 31/18 іюля онъ телеграфировалъ сэру Э. Гошену: „Сегодня утромъ я сказалъ германскому послу, что если бы Германія сдѣлала благоразумное предложеніе, ясно показывающее, что Германія и Австрія стремятся охранить европейскій миръ, и если бы Россія и Франція были настолько неблагоразумны, что отвергли бы его, я стану поддерживать его въ С.-Петербургѣ и въ Парижѣ и я готовъ даже сказать, что если Россія и Франція не примутъ его, то правительство Его Величества не отвѣчаетъ за послѣдствія“ [1]).

Германское правительство признало въ „Предисловіи“ къ „Бѣлой Книгѣ“ эти мирныя стремленія Англіи. Правда, впослѣдствіи оно измѣнило это мнѣніе. И теперь въ Германіи является ходячимъ мнѣніе, что отвѣтственность за войну падаетъ на Англію. Ее обвиняютъ въ томъ, что она заманила Германію въ „ловушку“, [2]) слишкомъ поздно открывъ свои намѣренія; это было равносильно, сказалъ Канцлеръ, „ударить сзади человѣка, который защищаетъ свою жизнь противъ двухъ нападающихъ“. [3]) Но вѣдь всѣ эти яростные протесты означаютъ только, что германское прави-

[1]) „Бр. Пер.“ № 111.

[2]) Выраженіе, употребленное въ манифестѣ 93 ученыхъ литераторовъ и пр.

[3]) „Бр. Пер.“ № 160.

тельство не ожидало, что Англія окажетъ свое содѣйствіе подвергшейся нашествію Бельгіи. Г. фонъ-Бетманъ-Гольвегъ такъ усилилъ свое предложеніе и авансы, такъ старался, начиная съ 29/16 іюля, казаться въ согласіи съ Англіей, столько разъ заявлялъ ей о своихъ мирныхъ чувствахъ, что онъ считалъ обезпеченнымъ для себя британскій нейтралитетъ. Даже въ самой нотѣ, которой онъ объявлялъ войну Россіи, упоминалось это предполагаемое имъ соглашеніе: тамъ говорилось, что императоръ Вильгельмъ прилагалъ старанія къ осуществленію роли посредника „въ соглашеніи съ Англіей". Поэтому удивленіе и разочарованіе Канцлера были велики, настолько велики, что они даже вылились наивнымъ образомъ въ словахъ, которыя станутъ историческими.

И, однако, онъ могъ винить только самого себя, ибо онъ былъ предупрежденъ надлежащимъ образомъ. Сэръ Эд. Грей говорилъ нѣсколько разъ, что если война станетъ всеобщей, ему, можетъ быть придется вмѣшаться, и что, особенно если Германія нарушитъ бельгійскій нейтралитетъ, „будетъ чрезвычайно трудно сдержать общественное настроеніе въ Англіи". Онъ обращалъ вниманіе германскаго правительства на „очень серьезный" характеръ своихъ предупрежденій и, заранѣе устраняя тѣ упреки, которые ему дѣлаются теперь онъ дабавляетъ, что послѣ столь ясныхъ объясненій, не будетъ основаній когда-либо обвинять его въ томъ, что онъ обманулъ Германію двусмысленными заявленіями. [1]) Къ несчастію, германская

[1]) „Бр. Пор." №№ 113 и 101.

дипломатія страдаетъ слишкомъ часто отсутствіемъ психологическаго чутья, она не умѣетъ понять того, что происходитъ въ душѣ отдѣльной личности или націи, она не даетъ себѣ отчета въ руководящихъ ими побужденіяхъ, особенно, если эти побужденія сложны и тонки. Отсюда вытекаетъ, что она плохо предвидитъ, каково будетъ ихъ поведеніе. Въ настоящее время она мститъ необоснованными обвиненіями за ошибку, въ которой виновата только она одна. [1])

Позиція Россіи была не менѣе мирной, чѣмъ позиція Англіи и Франціи. Конечно, Россія не могла согласиться перестать интересоваться судьбой Сербіи. Но, подъ условіемъ, что она не можетъ допустить нанесеніе ущерба сербской территоріи и суверенитету, она выказывала готовность принять всякаго рода соглашеніе. Она допускала, что отъ сербскаго правительства можно потребовать гарантій, въ которыхъ, помимо всего, оно и не отказывало. Она довела духъ умѣренности до такой степени, что не приняла никакихъ серьез-

---

1) Мы ничего не говоримъ о новомъ упрекѣ, высказанномъ недавно г. фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ по адресу Англіи. На нее будто бы падаетъ внутренняя отвѣтственность за войну, т. к. она-де могла предупредить ее, давъ сразу понять въ Петербургѣ, что она не позволитъ конфликту принять размѣры европейской войны. Другими словами, Англія для обезпеченія мира должна была не признать за Россіей права на вмѣшательство, т. е. принять германскую точку зрѣнія, которую она считала необоснованной. Эти слова Канцлера крайне несознательны. Кромѣ того, какимъ образомъ Англія могла бы заставить Россію воздержаться, если бы та отказалась уступить этому приказу? Ужъ не соединившись ли съ Германіей?

ныхъ рѣшеній даже послѣ того, какъ Австрія объявила войну Сербіи. Она присоединилась ко всѣмъ попыткамъ соглашенія, сама предложила ихъ нѣсколько, заявляя, что она заранѣе присоединится ко всѣмъ проектамъ, которые будутъ сочтены справедливыми Англіей и Франціей. „Я буду вести переговоры до конца“, сказалъ однажды г. Сазоновъ, и онъ выполнилъ это. Правда, Германія упрекала его въ томъ, что Россія объявила 31/18 іюля общую мобилизацію, и на основаніи этого единственнаго факта она хотѣла сдѣлать отвѣтственнымъ за войну русское правительство. Это значитъ сознательно забывать, что эта мѣра была вынуждена въ Россіи одинаковой мѣрой, принятой раньше Австріей. Противъ милліоновъ солдатъ, которыхъ готовилась выставить Австрія, Россія не могла ограничиться выставленіемъ нѣсколькихъ армейскихъ корпусовъ, мобилизацію которыхъ она производила. Кромѣ того, мы знаемъ, что г. Сазоновъ предложилъ пріостановить приготовленія, если Австрія обяжется поступить такимъ же образомъ, и не Россія виновата въ томъ, что ея предложеніе не было принято. Итакъ, ни одна изъ державъ Тройственнаго Согласія не можетъ быть обвинена.

Напротивъ, тяжела отвѣтственность Австріи. Это она вызвала бурю, предъявивъ Сербіи намѣренно непріемлемый ультиматумъ; затѣмъ, когда начался кризисъ, она привела его къ рѣзкой развязкѣ, закрывая на долгое время уши на всѣ предложенія о соглашеніи. Однако, ея вина смягчается тѣмъ, что если она безусловно желала

войны съ Сербіей, то, повидимому, она не стремилась къ всеобщему пожару. Если въ теченіе нѣкотораго времени она выказывала себя неуступчивой, то это происходило отъ убѣжденія, старательно поддерживаемаго г. фонъ-Чирскимъ, что Россія, какъ и въ 1909 г. послѣ присоединенія Босніи и Герцеговины, предоставитъ ей свободу дѣйствій. Поэтому, когда она замѣтила, что ошиблась и что Россія серьезно взялась за дѣло, она тотчасъ измѣнила позицію. Русская мобилизація сдѣлала ее уступчивой. Частичная мобилизація была объявлена 29/16 іюля, а 30/17 іюля тонъ графа Берхтольда сталъ мягче, и чѣмъ болѣе угрожающей становилась европейская война, тѣмъ болѣе мирнымъ дѣлалось вѣнское правительство. Когда оно дало, наконецъ, себѣ отчетъ въ той страшной игрѣ, которую оно вело, оно постаралось отступать. Но было уже слишкомъ поздно; Германія стала руководить движеніемъ и она увлекаетъ его за собой. Оно явилось жертвой bluff'a, которому слишкомъ охотно предалось. Поэтому Германія сказала неправду, когда заявляла, что военныя приготовленія Россіи помѣшали ей дѣйствовать съ пользой въ Вѣнѣ. Напротивъ, какъ разъ въ этотъ моментъ Австрія стала благоразумнѣе и сама согласилась на посредничество [3].

---

[3]) Во всякомъ случаѣ возможно другое объясненіе фактовъ. Можно было бы задать вопросъ, не являются ли уступки, сдѣланныя Австріей въ послѣднюю минуту, только маневромъ по соглашенію съ Германіей. Дѣйствительно, онѣ позволяли этой послѣдней заявлять, что подъ ея вліяніемъ Австрія стала уступчивой и что, вслѣдствіе этого, миръ былъ обезпеченъ въ

Но все, что уменьшаетъ отвѣтственность Австріи, усиливаетъ отвѣтственность Германіи.

Это Германія, своимъ обѣщаніемъ полной поддержки своей союзницѣ, планы которой она знала, подбила ее бросить вызовъ Сербіи. Это она, одобряя безъ оговорокъ вызывающую позицію Австріи, тѣмъ самымъ подталкивала ее оставаться на ней.

Когда Россія, Англія, Франція и Италія домогались хотя бы короткаго срока для обсужденія поднятаго вопроса и дѣлали это въ тайной надеждѣ, что время и раздумье смогутъ оказать умѣряющее вліяніе на умы, то это Германія, отказавшись присоединиться къ другимъ державамъ, помѣшала осуществленію требованія.

Это она, постоянно заявляя о своихъ мирныхъ чувствахъ, разстроила проектъ четверной конференціи, ничего не предложивъ вмѣсто нея.

Это она, узнавъ о проектѣ прямыхъ перегово-

тотъ моментъ, когда его скомпрометировала неожиданная мобилизація Россіи.

Это толкованіе не совсѣмъ неправдоподобно. Если мы не приняли его, то потому, что этотъ, маневръ былъ бы крайне грубъ и неловокъ. Дѣйствительно, онъ долженъ былъ бы обернуться противъ Германіи. Онъ позволялъ бы говорить, что такъ какъ Австрія склонилась къ миру, этотъ послѣдній былъ бы обезпеченъ безъ конечнаго упорства Германіи. Однако, пріемы германской дипломатіи иногда такъ грубы, что эта гипотеза не можетъ считаться абсолютно недопустимой. Но въ случаѣ своей правильности, она, отягчая отвѣтственность Австріи, только увеличила бы отвѣтственность Германіи. Что можетъ быть болѣе недостойнымъ этого маккіавелизма, который заключался въ томъ, что были подѣлены роли въ самой мрачной комедіи, и Австрія была обязана говорить лживымъ языкомъ, чтобы болѣе легко достигнуть отвратительной цѣли, къ которой стремилась?

ровъ между Россіей и Австріей, противъ котораго она ничего не могла возразить, такъ какъ онъ ни къ чему ее не обязывалъ, отказалась поддержать его въ Вѣнѣ и ограничилась передачей его съ явной неохотой.

Это она доказала свою глубокую агрессивность, угрожая еще 29/16 іюля напасть на Россію подъ предлогомъ, который она затѣмъ признала неосновательнымъ.

Это она отвергла 30/17 іюля, не посовѣтовавшись съ Австріей, новое предложеніе г. Сазонова, которое, по меньшей мѣрѣ, могло служить базой для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Это она, когда общая мобилизація была объявлена повсюда, когда война казалась угрожающей, отказалась даже разсмотрѣть новый проектъ соглашенія, который отсрочилъ бы опасность, который принимала Австрія, который рекомендовали всѣ державы и который долженъ былъ дать ей самой полное удовлетвореніе.

Это, наконецъ, она объявила войну Россіи и Франціи, оправдывая это двойное объявленіе войны лживыми измышленіями.

Противъ всѣхъ этихъ подавляющихъ обвиненій Германія выдвигаетъ систему защиты, официальную версію которой намъ даетъ „предисловіе“ къ „Бѣлой Книгѣ“: она стремится возложить всю отвѣтственность на Россію. Споръ объ этомъ не будетъ дологъ: система эта рушится, какъ только дашь себѣ отчетъ о методѣ, по которому она составлена.

Писатель этого предисловія не фальсифицируетъ въ прямомъ смыслѣ этого слова фактовъ,

которыми онъ пользуется: онъ дѣйствуетъ при помощи методическихъ умолчаній. Конечно, въ его изложеніи встрѣчаются бездоказательныя утвержденія, встрѣчаются и другія утвержденія, явно противорѣчащія истинѣ; мы отмѣтили нѣкоторыя изъ нихъ. Очень часто событія указываются безъ датъ, и порядокъ, въ которомъ они располагаются, совсѣмъ не хронологическій; благодаря всему этому получается путаница, при которой труденъ контроль. Но въ общемъ, эти ошибки и неточности свидѣтельствуютъ только о малой заботливости объ истинѣ, но онѣ не существенны. Однако, если факты не искажены безцеремонно, то обо всѣхъ изъ нихъ, опровергающихъ германскія положенія, тщательно умолчено, или же они занимаютъ такъ мало мѣста въ изложеніи, что ихъ едва замѣтишь при чтеніи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на примѣчанія, помѣщенныя нами въ низу предыдущихъ страницъ: мы указали тамъ на эти слишкомъ ловкіе пропуски. Мы знаемъ, сколькимъ попыткамъ о соглашеніи Германія отказала въ своемъ содѣйствіи: и вотъ, въ „Бѣлой Книгѣ“ только одинъ документъ относится къ отказу этого характера (№ 12). Читатель, который не имѣлъ бы другихъ источниковъ информаціи, не зналъ бы о выступленіяхъ Россіи, Англіи и Франціи въ цѣляхъ добиться продленія срока встрійскаго ультиматума и о проектѣ прямыхъ переговоровъ между Вѣной и С.-Петербургомъ [1]). олько

[1]) Въ собраніи документовъ объ этомъ вопросъ имѣется только двѣ строчки (№ 15).

нѣсколько строчекъ посвящены предложенію о четверной конференціи, которая такъ занимала канцеляріи. Ничего не сказано ни объ усиліяхъ добиться отъ Германіи выясненія, какъ она понимаетъ посредничество державъ, ни о первомъ германскомъ ультиматумѣ, ни объ общей австрійской мобилизаціи—о томъ, что она предшествовала мобилизаціи Россіи, ни о посредничествѣ, въ концѣ концовъ принятомъ Австріей и отвергнутомъ одной Германіей. Только двѣ группы фактовъ сохранены и подробно изложены: во-первыхъ, нѣсколько документовъ, гдѣ германское правительство высказываетъ въ общихъ выраженіяхъ о своемъ желаніи сохранить миръ; затѣмъ, все, что относится къ военнымъ приготовленіямъ Франціи и Россіи, и особенно къ общей мобилизаціи этой послѣдней державы, но безъ всякаго объявленія причинъ, вызывавшихъ ее. Отсюда вполнѣ естественно вытекаетъ, что она кажется возникшей неожиданно, безъ всякихъ основаній въ тотъ самый моментъ, когда Императоръ Вильгельмъ соблаговолилъ выступить въ качествѣ посредника. Представленная въ такомъ видѣ, она производитъ впечатлѣніе вѣроломнаго акта. Чтобы возстановить истину, достаточно возстановить систематически пропущенные факты. Тогда упорство Германіи въ устраненіи одного за другимъ всѣхъ возможныхъ средствъ сохраненія мира выступаетъ съ очевидностью, а въ то же время мѣропріятіе Россіи теряетъ агрессивный характеръ, который желали навязать ему, и становится простой мѣрой самозащиты.

Въ общемъ, въ активѣ Германіи нѣтъ ни одного серьезнаго шага къ миру, а только пустыя слова.

Напротивъ, всѣ акты, приведшіе мало-по-малу кризисъ къ войнѣ,—австрійская нота, отказъ въ какомъ бы то ни было продленіи срока, объявленіе войны Сербіи, отказъ отъ предложенныхъ соглашеній, первая нота Россіи, ультиматумъ съ послѣдующимъ объявленіемъ войны,—всего этого она или желала прямо, или это произошло при ея поддержкѣ и соучастіи. Вначалѣ она стоитъ за спиной Австріи, поддерживая ея агрессивную политику; затѣмъ, когда она сама взялась за дѣло опять таки это она постановляетъ окончательныя рѣшенія и навязываетъ ихъ своей союзницѣ, колеблющейся и смущенной въ то время. Это она главная виновница.

Указывали, что императоръ Вильгельмъ много разъ доказывалъ на дѣлѣ свою привязанность къ миру: его прошлое, говорятъ, не позволяетъ поэтому приписать ему воинственныя намѣренія, которымъ противорѣчитъ весь его характеръ. Но это значитъ забывать, что люди мѣняются съ возрастомъ и сообразно обстоятельствамъ. Дѣйствительно, есть основанія думать, что Вильгельмъ II измѣнился, что къ концу 1913 г. старый чемпіонъ мира проникся идеями войны. Таково впечатлѣніе, произведенное одимъ разговоромъ, происходившимъ у него съ бельгійскимъ королемъ въ присутствіи генерала фонъ-Мольтке; г. Камбонъ, который говоритъ, что узналъ объ этомъ разговорѣ изъ абсолютно вѣрнаго источника, приводитъ его въ „Желтой книгѣ“ (документъ № 6). Императоръ будто бы сказалъ, что „онъ пришелъ къ убѣжденію, что война съ Франціей неизбѣжна и что ра-

но или поздно придется вести ее", а генералъ фонъ-Мольтке говорилъ, какъ его государь.

Очень разнообразныя причины могли обусловить эту моральную революцію. Неудача императорской политики въ Марокко, непопулярность, вытекшая благодаря этому, растущая популярность Кронпринца, все это должно было давать чувствовать Вильгельму необходимость поднять свой престижъ какимъ-нибудь блестящимъ шагомъ. Съ другой стороны націоналистическая агитація во Франціи была умѣло использована всегда могущественной военной партіей: говорили, что Франція хочетъ реванша и стремится къ нему. Наконецъ, Австро-Венгерская Имперія грозила распадомъ послѣ смерти Франца Іосифа: поэтому если бы Германія стала слишкомъ долго ждать момента дѣйствій, можно было бы опасаться, что въ желаемый моментъ она окажется безъ союзницы или съ союзницей, уменьшившейся въ размѣрахъ и всецѣло занятой внутренними затрудненіями. Эти общія условія, опасныя сами по себѣ, усилились еще больше въ іюлѣ 1914 г., благодаря цѣлому ряду частныхъ обстоятельствъ. Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ былъ личнымъ другомъ Вильгельма, кромѣ того онъ являлся будущимъ государемъ. Въ виду этого двойного обстоятельства, Кайзеръ считалъ себя спеціально обязаннымъ отомстить за сараевское убійство. Такъ какъ въ этотъ самый моментъ Англіи, повидимому, угрожало нѣчто въ родѣ гражданской войны, Россія была парализована очень тяжелыми стачками, а Франція внутреннимъ расколомъ, то случай былъ удобенъ, и могло казаться разумнымъ не упустить его.

Вдобавокъ вопросъ заключается не въ томъ, былъ ли Вильгельмъ II человѣкомъ способнымъ или неспособнымъ хотѣть войны, но въ томъ, дѣйствительно ли онъ и его правительство хотѣли ея. Мы видѣли, какъ факты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Если, тѣмъ не менѣе, германскій тезисъ о причинахъ войны могъ въ теченіе нѣкотораго времени приниматься не только Германіей, но даже кое-кѣмъ изъ нейтральныхъ державъ, это происходило оттого, что пріемъ, которымъ былъ установленъ этотъ тезисъ, не могъ быть немедленно замѣченъ. Сознательныя умолчанія, столь многочисленныя и столь важныя, придающія ему специфическій характеръ, могли быть обнаружены только съ того момента, когда можно было методично писать исторію возникновенія войны. Но теперь, когда мы знаемъ, въ какой послѣдовательности совершались событія, какова была въ каждую изъ фазъ, черезъ которыя прошли переговоры, позиція различныхъ государствъ, принимавшихъ участіе въ нихъ, виновность Германіи появляется въ полномъ освѣщеніи. Все доказываетъ ее и ничто не ослабляетъ и не смягчаетъ ея. Поэтому общественное мнѣніе всего міра все меньше и меньше колеблется, указывая на германское правительство, какъ на отвѣтственнаго виновника ужаснаго бѣдствія, отъ котораго въ настоящее время страдаютъ всѣ народы. Истина даже начинаетъ проникать за китайскую стѣну, которая въ настоящее время изолируетъ германскую имперію отъ остального міра. Уже теперь имѣются, хотя они и очень недостаточно освѣдомлены, германскія совѣсти, которыя смутились и

которыя испытываютъ потребность отвергнуть всякую солидарность съ великой, неискупимой ложью, исторію которой мы набросали. Конечно, онѣ еще въ небольшомъ числѣ. Но какъ велика должна быть подавляющая очевидность фактовъ, чтобы убѣдить даже тѣхъ, кто можетъ ее признать, только глубоко страдая!

Приложеніе.

Предшествующая работа печаталась, когда „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" отъ 21/8 декабря напечатала отвѣтъ на „Желтую книгу". Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ нашемъ этюдѣ, тамъ оспариваются. Мы будемъ здѣсь говорить объ опроверженіяхъ, касающихся фактовъ извѣстнаго значенія.

1. Отрицаютъ уступки, сдѣланныя Австріей, начиная съ 30/17 іюля. Къ несчастію, реальность этихъ уступокъ была признана самимъ германскимъ правительствомъ. Когда англійскій посолъ замѣтилъ 1 августа,—19 іюля г. фонъ-Ягову, что Австрія теперь вполнѣ расположена вести переговоры съ Россіей, государственный секретарь отвѣтилъ, что эта примирительная линія поведенія обязана „германскому вліянію". Каково-бы ни было ея происхожденіе, она, стало быть, была реальной.

2. Частичное опроверженіе выдвигается противъ депеши г. Камбона, касающейся разговора короля Альберта съ Вильгельмомъ II. Императоръ

будто бы не присутствовалъ при этомъ разговорѣ, былъ только одинъ генералъ фонъ-Мольтке и онъ не говорилъ того, что ему приписывается. Въ отвѣтъ на это полуопроверженіе мы ограничимся утвержденіемъ, что источникъ, изъ котораго г. Камбонъ почерпнулъ свои свѣдѣнія, „безусловно вѣрный".

3. Наконецъ, германская газета отрицаетъ, что австрійская мобилизація предшествовала общей русской мобилизаціи: первая будто бы произошла днемъ 31/18 іюля, и вторая въ ночь съ 30/17 на 31/18 іюля. Но 1) ровно никакого доказательства не дается для подкрѣпленія этого утвержденія. 2) Телеграмма г. Палеолога отъ 31/18 іюля („ж. к." № 118) говоритъ опредѣленно, что общая русская мобилизація обусловлена общей австрійской мобилизаціей. Этому свидѣтельству противопоставляется опроверженіе, не подкрѣпленное никакимъ противоположнымъ свидѣтельствомъ. 3) Авторъ замѣтки, кажется, забылъ, что согласно г. Дюмену („ж. к." № 115), общая австрійская мобилизація произошла рано утромъ 31/18 іюля; это дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что она могла быть вызвана русской мобилизаціей, если та произошла въ ночь съ 30/17 на 31/18 іюля. 4) Наконецъ споръ разрѣшается признаніемъ Германіи. Мы видѣли (стр. 60), что въ 2 ч. пополудни (по Берлинскому времени) 31/18 іюля Вильгельмъ II отправилъ Царю телеграмму, гдѣ не было и рѣчи объ общей русской мобилизаціи. Итакъ, въ этотъ моментъ Берлинское правительство не знало о ней. Уже это незнаніе въ такой поздній часъ дня непонятно, если русскій указъ о мобилизаціи от-

носился къ предшествовавшей ночи. Но вотъ, что разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія, если они еще могли остаться. Воспроизведя текстъ императорской телеграммы, авторъ „предисловія“ къ „Бѣлой Книгѣ“ (стр. 19) прибавляетъ: „Раньше, чѣмъ телеграмма эта была доставлена по назначенію, мобилизація всѣхъ русскихъ силъ, объявленная уже въ этотъ день (31/18 іюля) утромъ (am Vormittag), шла полнымъ ходомъ“. Vormittag, это утро или, скорѣе, вторая половина утра, около 11 часовъ. а не ночь съ 30/17 на 31/18. Германское правительство заранѣе отвѣтило своей газетѣ.

Установивъ это, мы должны добавить, что важность, приписываемая Германіей вопросу о русской мобилизаціи, является чистымъ фарисействомъ. Даже если бы не было этой мобилизаціи, Германія мобилизовалась бы въ этотъ день, и отсюда возникла бы война. Мы, дѣйствительно, видѣли, насколько угрожающій характеръ имѣла телеграмма Вильгельма II, написанная въ 2 ч. пополудни, хотя въ этотъ моментъ онъ не зналъ о русской мобилизаціи. Къ тому же утромъ Канцлеръ сообщилъ англійскому послу, что „будутъ приняты очень важныя мѣры“ противъ Россіи, „быть можетъ, сегодня же“ („Бр. Пер.“ №№ 108, 109). И, однако, онъ только позже узналъ, что Россія объявила мобилизацію („Бр. Пер.“ № 112).—Искали только предлога; русская мобилизація попросту укрѣпила то, что имѣлось въ виду.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Кто хотѣлъ войны?	2
I. Австрійскій ультиматумъ и сербскій отвѣтъ	7
II. Дипмоматическій разрывъ и объявленіе войны Сербіи	27
III. Первый германскій ультиматумъ Россіи	41
IV. Объявленіе войны Россіи и Франціи	58
V. Заключеніе	77
Приложеніе	90

Центральное Бюро и Редакція
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ."

Контора и главный складъ
ПЕТРОГРАДЪ,
Невскій пр., д. № 60, кв. 11
(Прот. Аничкова Дворца).
Тел. 267-30.

М. Г.

Великая война нашихъ дней уже вызвала появленіе значительной литературы, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Наше издательство потому поставило своей цѣлью изданіе интереснѣйшихъ новинокъ, отнюдь не лубочнаго характера, а лишь серьезныхъ работъ извѣстныхъ авторовъ, пользующихся широкой популярностью во всей Европѣ. Однако, „Библіотека Великой Войны" не ограничивается этой задачей: мы организовали центральное Бюро для распространенія при помощи нашего широко разбросаннаго по всей Россіи **аппарата агентовъ** всевозможныхъ изданій, касающихся Великой Войны, какъ-то: книгъ и брошюръ, географическихъ и т. п. картъ, рисунковъ и открытокъ и пр. Мы, конечно, беремъ на себя распространеніе лишь вполнѣ серьезныхъ изданій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, отмѣченныхъ прессою.

Мы предлагаемъ какъ издательскимъ фирмамъ, такъ и частнымъ лицамъ, наше содѣйствіе по распространенію ихъ изданій на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Мы будемъ крайне благодарны Вамъ, М. Г., если Вы благоволите прислать намъ извѣщеніе объ изданныхъ Вами и намѣченныхъ къ изданію произведеніяхъ и указать условія, на которыхъ Вы согласились бы съ нами работать.

Съ почтеніемъ

Центральное Бюро Изд-ства
„Библіотека Великой Войны".

Изданія „Библіотеки Великой Войны".

Поль Гамеліусъ.

профессоръ Льежскаго университета

ОСАДА ЛЬЕЖА.

ИЗЪ ОТРЫВКОВЪ ПЕЧАТИ.

„ ..... Объективно написанная, брошюра проф. Гамеліуса даетъ интересную картину вторженія нѣмцевъ, извѣстную намъ лишь по краткимъ газетнымъ сообщеніямъ.

(*„Рѣчь", 3 ноября 1914 г.*).

„ ..... Читается съ особымъ интересомъ и волненіемъ книжка бельгійца Поля Гамеліуса, профессора Льежскаго университета, **„ОСАДА ЛЬЕЖА"**, она написана просто и интимно.

(*„День", 10 ноября 1914 г.*).

Цѣна 50 к.

А. К. Грэвсъ.

Тайны германскаго военнаго министерства.

(Записки б. нѣмецкаго шпіона).

„Интересныя сами по себѣ, записки Грэвса, раскрывающія тайны Германскаго военнаго министерства, ...пріобрѣтаютъ въ настоящее время еще большій интересъ".

(*„Современное Слово", 7 ноября 1914 г.*).

Цѣна 50 к.

Сѣрая книга.

Сборникъ Бельгійскихъ дипломатическихъ документовъ.

Цѣна 40 к.

Изъ-за чего мы воюемъ?

Ближайшее ознакомленіе съ тѣмъ, какъ авторитетные представители англійской исторической науки представляютъ себѣ задачи Великобританіи въ настоящей войнѣ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что эти задачи совпадаютъ съ правильно понятыми задачами союзниковъ Англіи и, въ частности, Россіи. Появленіе русскаго перевода оксфордской брошюры можно поэтому, только привѣтствовать...

Что касается матеріала, изъ котораго составлена брошюра, то онъ подобранъ чрезвычайно тщательно и съ чисто—„англійской" заботливостью къ интересамъ и запросамъ читателя...

Послѣ VI главы, въ которой характеризуется современная германская государственная доктрина, съ типичнымъ для нея поставленіемъ силы выше права, авторы брошюры въ сильно написанномъ заключеніи подводятъ итоги сказанному.

Тщательно во всѣхъ деталяхъ подготовленный и обоснованный выводъ, которымъ заканчивается книга, сводится къ тому, что въ настоящей войнѣ Англія борется одновременно и за свои, угрожаемые Германіей, „интересы", и за попранное Германіей „европейское международное право"...

Надъ этой формулой стоитъ подумать, такъ какъ въ ней объясненіе священнаго „пафоса войны" у нашихъ союзниковъ и секретъ ихъ непоколебимой вѣры въ побѣду.

(*„Рѣчь", 5 января 1915 г.*).

Цѣна 75 к.

Германская Бѣлая Книга.

Полный переводъ съ официальнаго текста германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ пропусковъ. **Цѣна 50 к.**

Вадимъ Бѣловъ.

Кровью и Желѣзомъ.

Впечатлѣнія офицера—участника

У г. Бѣлова налицо безусловное художественное чутье, умѣнье взять сердечный, лишенный пафоса и крикливости, тонъ, потому что о томъ, чего „даже вереницы сѣдыхъ вѣковъ... не разрушатъ", надо говорить просто или молчать.

На страницахъ книги читатель встрѣчается съ живыми людьми, молчаливое геройство которыхъ знакомо намъ уже съ начала войны. (*„Бирж. Вѣдом.", вечерн. вып., 8 февр. 1915 г.*).

Здѣсь хорошо то, что молодая наблюдательность поймала въ подлинной дѣйствительности—то именно, что трудно придумать, не видя. Когда, напримѣръ, авторъ рисуетъ картину ротной переклички послѣ боя и подчеркиваетъ жуть настроенія при угрюмомъ и мучительномъ молчаніи выкликаемаго солдата,—ибо онъ не вернулся, остался т а м ъ,—вы не равнодушнымъ сердцемъ принимаете эту сцену. Это—быль...

...Тутъ есть правда жизни, какой не придумать, тутъ авторъ, несомнѣнно, передаетъ то, чему былъ свидѣтель. Отсюда такъ и легко подчиненіе его настроенію.

А. Измайловъ.

(*„Биржевыя Вѣдомости" 16 февр. 1915 г.*).

Цѣна 1 р.

Вадимъ Бѣловъ.

Евреи и Поляки на кровавой аренѣ.

(Печатается). **Цѣна 1 р.**

Лидія Захарова.

Дневникъ Сестры Милосердія.

Цѣна 1 р.

ИЗДАНІЯ

„БИБЛІОТЕКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ“:

ГРЭВСЪ:

Тайны Германскаго Военнаго Министерства.

Ц. 50 к.

ГАМЕЛІУСЪ:

ОСАДА ЛЬЕЖА.

Ц. 50 к.

БЕЛЬГІЙСКАЯ СѢРАЯ КНИГА.

Ц. 40 к.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО МЫ ВОЮЕМЪ.

Составили профессора Оксфордскаго университета.

Ц. 75 к.

Вадимъ Бѣловъ:

КРОВЬЮ и ЖЕЛѢЗОМЪ.

Впечатлѣнія офицера-участника. **Ц. 1 р.**

Лидія Захарова:

Дневникъ сестры милосердія.

Ц. 1 р.

Шенвертъ:

Спутникъ Полевого Врача и Сестры Милосердія съ предисловіемъ академика **В. М. Бехтерева.**

Ц. 2 р.

Германская Бѣлая книга.

Ц. 50 к.

Вадимъ Бѣловъ:

Поляки и Евреи на кровавой аренѣ. **Ц. 1 р.**

Проф. Э. Дюркгеймъ и Э. Дени.

Кто хотѣлъ войны.

Ц. 60 к.

Ц. 60 к.

Складъ изданія: Жевскій, 60, кв. 11.

Типографія „ВИКТОРІЯ" Знаменская, 17. Тел. 32-48.